

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра русского языка

СУДЗИНЕЦ Надежда Алексеевна

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВОФОРМЫ
ТОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ/РЕЧИ

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра лингвистики

Научный руководитель:

д. ф. н., проф. БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН Наталья Викторовна

Рецензент:

д. ф. н., проф. НАУМОВ Владимир Викторович

Санкт-Петербург

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. УСТНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	7
1.1. Соотношение понятий «письменная речь» – «устная речь» – «разговорная речь»	7
1.2. Понятие спонтанной речи.....	8
1.3. Корпусная лингвистика и корпуса текстов русского языка.....	10
1.3.1. Национальный корпус русского языка	12
1.3.2. Звуковой корпус русского языка	14
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СЛОВОФОРМЫ <i>ТОГО</i>.....	16
2.1. Материал и методика исследования.....	16
2.2. <i>ТОГО</i> в словарях русского языка.....	17
2.3. Функционально-грамматические возможности формы <i>ТОГО</i>	19
2.3.1. <i>ТОГО</i> как местоимение-прилагательное	21
2.3.1.1. Указательное местоимение-прилагательное в дейктической функции.....	21
2.3.1.2. Указательное местоимение-прилагательное в функции коррелята в соотносительных сложноподчинённых предложениях	22
2.3.1.3. Определительное местоимение	23
2.3.1.4. Местоимение в значении признака	23
2.3.2. <i>ТОГО</i> как местоимение-существительное.....	24
2.3.2.1. Указательное местоимение-существительное в дейктической функции.....	24
2.3.2.2. Указательное местоимение-существительное в функции коррелята в соотносительных сложноподчинённых предложениях	24
2.3.2.3. Указательное местоимение-существительное в составе устойчивых сочетаний.....	25
2.3.3. <i>ТОГО</i> как частица.....	26
2.3.4. <i>ТОГО</i> как компонент составного союза.....	28
2.3.5. <i>ТОГО</i> как компонент фразеологизма с наречным значением	30

2.4. Прагматемы, включающие форму <i>ТОГО</i>	30
2.4.1. Немного о лингвистической прагматике. Поиск термина	30
2.4.2. Вводные сочетания.....	32
2.4.3. Маркеры нечёткой номинации: маркер-заместитель и маркер-аппроксиматор	33
2.4.4. Маркер согласия	34
2.4.5. Ксенопоказатель (маркер чужой речи)	34
2.4.6. Вербальный хезитатив	34
2.4.7. Распределение прагматем с компонентом <i>того</i> в речи	34
2.5. Выводы по главе 2	35
ГЛАВА 3. УПОТРЕБЛЕНИЕ <i>ТОГО</i> В РАЗНЫХ СФЕРАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЧИ	36
3.1. Сферы функционирования текстов в Национальном корпусе русского языка	36
3.2. Распределение функциональных вариантов формы <i>ТОГО</i> в речи разных сфер функционирования: гипотезы	38
3.3. Частотность формы <i>ТОГО</i> в Национальном корпусе русского языка	38
3.4. Распределение формы <i>ТОГО</i> в текстах разных сфер функционирования	41
3.4.1. Местоимение-существительное <i>ТОГО</i> в разных сферах функционирования речи	43
3.4.2. Частица <i>ТОГО</i> в разных сферах функционирования речи	44
3.4.3. Союзы с компонентом <i>ТОГО</i> в разных сферах функционирования речи	45
3.4.4. Устойчивые сочетания с наречным значением, содержащие компонент <i>ТОГО</i> , в разных сферах функционирования речи	46
3.4.5. Прагматемы в разных сферах функционирования речи	47
3.5. Выводы по главе	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
СПИСОК ПРИНЯТЫХ В РАБОТЕ СОКРАЩЕНИЙ	54
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	55
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	61

ВВЕДЕНИЕ

С середины XX века в лингвистике началась эпоха изучения устной речи, продолжающаяся по сей день. Вряд ли возможно поставить под сомнение важность исследования устной речи для понимания функционирования языка в целом. «Наши представления о любом естественном языке являются неполными и даже искаженными, если они не основываются на данных устной формы этого языка» (*Рассказы о сновидениях* 2009: 26) – утверждают А. А. Кибрик и В. И. Подлеская, известные современные лингвисты.

Говоря об изучении речи, нельзя оставить без внимания такую важную её особенность, как грамматика. Об особой *грамматике речи*, отличающейся от грамматики письменного языка, ещё в середине XX-го столетия писали Ф. де Соссюр, Л. В. Щерба, А. Мартине и другие (*Соссюр* 1933; *Щерба* 1957; *Мартине* 1963). В настоящее время грамматика речи изучается посредством исследования реального функционирования тех или иных единиц, зафиксированных в словарях и грамматиках. Такие исследования, проводящиеся, как правило, на корпусном материале, нередко приводят к выявлению новых языковых единиц, не освещённых в научной литературе.

В связи с этим **актуальность** настоящей работы состоит в том, что она может внести вклад в изучение грамматики русской речи – «грамматики, основанной на употреблении» (*Tomasello* 2003). **Научная новизна** настоящего исследования заключается в том, что оно проведено в рамках корпусного подхода с введением в научный обиход нового материала, описаны функции конкретной формы указательного местоимения с точки зрения прагматики устного высказывания.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что основные выводы и положения работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях русской устной речи в различных сферах её функционирования. **Практическая значимость** работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы в лексикографических описаниях,

при составлении грамматики русской речи, а также при обучении иностранцев русскому языку.

Объектом настоящего исследования стала русская устная и письменная речь, организованная в корпуса – Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и Звуковой корпус русского языка (ЗКРЯ). **Предмет** исследования – словоформа *того* в различных вариантах функционирования в русской речи.

Конкретным **материалом** для исследования послужили все контексты, содержащие словоформу *того*, из блока «Один речевой день» (ОРД) Звукового корпуса русского языка (336 контекстов), и 1364 контекста из Национального корпуса русского языка, относящиеся к разным сферам функционирования (СФ) текстов: публичная речь, непубличная речь, речь кино (устный подкорпус НКРЯ) и художественная литература (основной подкорпус НКРЯ). Таким образом, общее число проанализированных контекстов составило 1700.

Цель работы состояла в выявлении, описании и классификации всех единиц, включающих словоформу *того*, в русской речи, а также в изучении их функционирования в различных сферах функционирования текстов. Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**:

- 1) изучена литература по основным теоретическим вопросам, затронутым в исследовании;
- 2) изучены существующие описания слова *того* в словарях и грамматиках;
- 3) собран исследовательский корпус материала;
- 4) произведён анализ и систематизация материала;
- 5) выявлены единицы, включающие форму *того*, не получившие достаточного описания в научной литературе;
- 6) произведена классификация единиц с *того* и их распределение по функциональным типам;
- 7) даны количественные характеристики употребления единиц, содержащих форму *того*;

- 8) выдвинута гипотеза о соотношении сфер функционирования речи через призму возможностей употребления единиц с формой *того*;
- 9) произведено сравнение количества единиц разных функциональных типов в различных СФ речи.

При анализе материала применялись следующие методы:

- описательный;
- сопоставительный;
- метод элементарных статистических подсчётов.

Настоящая работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных сокращений, литературы и словарей.

Апробация работы: основные положения и результаты настоящего исследования были обсуждены в ряде докладов и сообщений на научных конференциях:

- Международная конференция молодых филологов (Тарту, апрель 2015 г.).
- XIX Международная научная конференция студентов-филологов (Санкт-Петербург, апрель 2016 г.).

Результаты работы отражены в следующей **публикации** автора:

- 1) Изолированное употребление словоформы *того* в русской устной речи: функционально-грамматические варианты
// XIX Международная научная конференция студентов-филологов.
Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 18-22 апреля 2016 года. – СПб.:
Филологический факультет СПбГУ, 2016 (в печати).

ГЛАВА 1

УСТНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Соотношение понятий «письменная речь» – «устная речь» – «разговорная речь»

Общеизвестно, что *устная речь* (УР) является основной формой существования языка, первичной исторически и функционально по отношению к письменной. *Письменная речь* была сформирована на базе устной спустя долгое время после возникновения языка¹. Эти две формы существования языка имеют под собой разную материальную основу: «движущиеся слои воздуха (звуки) – в устной речи и краска (буквы) – в письменной речи» (Сиротинина 1983: 14). Такие различия в форме бытования обуславливают характерные черты устной и письменной речи, а также обосновывают сложившиеся традиции изучения обеих форм.

Так, несмотря на возросший в последние десятилетия интерес к устной речи, речь письменная гораздо более изучена, что отчасти можно объяснить доступностью и долговечностью зафиксированного на графическом носителе языкового материала² (см. об этом подробнее: Богданова 2002: 17-25; Осьмак 2014: 52). Письменная форма языка тщательно зафиксирована, удобна для наблюдения и детального исследования, именно на её основе создаются словари и грамматики (Богданова 2001: 6), хотя многие исследователи отмечали необходимость изучения грамматики именно устного языка. Так, Л. В. Щерба писал: «если и изучать какую-то грамматику ради грамматики, то следует изучать только грамматику живого, произносимого языка» (Щерба 1957: 14), поскольку «изучение грамматики сводится к наблюдению над существующим в языке: наблюдать же можно только то, что хорошо

---

¹ Ср., например: «Письменный язык очевидным образом является трансформом устной речи. Все нормальные люди умеют говорить, но почти половина населения земного шара полностью неграмотна, и реальное умение читать и писать является достоянием едва ли не меньшинства людей на Земле» (Якобсон 1985: 317).

² Ср.: «даже при современной технике написанное имеет несомненно более документальный характер, чем сказанное, и пока что, несмотря на всю важность возможности записывания речи на пленках или дисках, старинная пословица “*verba volant, scripta manent*” (слова улетают, написанное остается. – Н. С.) сохраняет свою силу» (Щерба 1974: 254).

известно, а вполне хорошо известен детям (да и взрослым) только произносимый и слышимый язык» (*Щерба* 1957: 14).

Кроме того, различия устной и письменной речи обусловлены некоторыми экстралингвистическими факторами, такими как *наличие собеседника* и *использование невербальных средств коммуникации*. Письменная речь в большинстве случаев не подразумевает непосредственного адресата, её мотив и замысел определяется только её субъектом. Устная речь, как правило, предполагает реакцию конкретного слушателя и нередко корректируется в зависимости от этой реакции. Кроме того, письменная речь, в отличие от устной, не имеет почти никаких внеязыковых, дополнительных, средств выражения, тогда как УР сопровождается невербальными средствами общения (мимикой и жестикуляцией).

Понятие «устная форма речи» тесно примыкает к другому не менее важному понятию *разговорной речи* (РР). Большинство современных лингвистов понимают под этим определением «разновидность устной литературной речи, обслуживающую повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющую функции общения и воздействия» (*Лантева* 2000: 407). Разговорная речь обычно противопоставляется другим разновидностям устной речи – научной, публицистической, художественной, деловой (см.: *Сиротинина* 1983). Е. А. Земская отмечает, что РР обслуживает исключительно «частную сферу общения» (*Земская* 1979: 8).

1.2. Понятие спонтанной речи

Согласно разделяемой большинством современных исследователей точке зрения, спонтанная речь (СР) – заранее не продуманная свободная рождающаяся в момент говорения. Ей свойственны ошибки, самоперебивы, самокоррекция, неполнота и пр. (см.: *Девкин* 1979: 15; *Фонетика спонтанной речи* 1988: 4-5; *Бондарко* 1998: 258-259). Таким образом, спонтанная речь противопоставляется подготовленной речи, заранее обдуманной говорящим.

Данные характеристики речи не являются абсолютными. Так, В. Г. Адмони замечает: «И при произнесении неожиданно-импровизированных бытовых (или иных) спонтанных высказываний говорящий обычно, если употребляются не устойчивые формулы, мгновенно набрасывает в уме (отнюдь не формулируя это сознательно) некую стратегию высказывания. <...> С другой стороны, и в препарированной речи вполне возможны вызванные различными факторами импровизационные и тем самым спонтанные моменты. Это касается и заранее написанной парламентской речи, и научного доклада, и т. д.» (Адмони 1994: 10). Таким образом, можно говорить о некой *шкале спонтанности – подготовленности*.

И. Н. Борисова выделяет четыре *степени спонтанности* устной речи:

1) *неподготовленная речь* (неофициальные бытовые диалоги). Она характеризуется непродуманностью композиции и замысла, внезапным изменением темы, частым использованием незавершённых конструкций;

2) *частично подготовленная речь* (диалоги, сопровождающие предметно-практическую или игровую деятельность, принятие совместных решений или решение интеллектуально-познавательных задач; монолог-рассказ на заданную тему). При частично подготовленной речи тема однозначно определяется ситуацией;

3) *подготовленная речь* (публичные выступления, доклады, тосты, поздравления и т. п.). Характеризуется тщательной предварительной подготовкой, возможно существование письменного прототипа;

4) *неспонтанная речь* (заученный текст: сценическое выступление, речь дикторов; чтение) (Борисова 2001: 143).

Е. А. Галяшина предлагает следующую шкалу спонтанности:

1) спонтанная речь (спонтанный диалог, спонтанный монолог);

2) квазиспонтанная речь (интервью, рассказ на заданную тему, репродуцирование вслух чужой речи, обдуманная речь по заранее составленному плану, стереотипная речь по шаблонному тексту, речь за суфлёром);

3) заранее подготовленная речь (пересказ и чтение вслух) (Галяшина 2002).

Наибольший интерес для изучения представляет собой, конечно, речь меньшей степени подготовленности (спонтанная и квазиспонтанная, по классификации Е. А. Галяшиной). Именно такая речь, организованная в корпусы русского языка, стала основой материала для данного исследования.

1.3. Корпусная лингвистика и корпусы текстов русского языка

Ещё со времён В. фон Гумбольдта лингвистическая наука задаётся вопросом о дихотомии *langue* – *parole*. Что является объектом изучения лингвистики: то, что находится в сознании носителей языка (*langue*) или то, что они на самом деле говорят (*parole*)? Ответ на этот вопрос, задаваемый себе каждым лингвистом, определяет методологию исследований. В случае если лингвист в своей исследовательской деятельности опирается на *parole*, узус, необходим обширный языковой материал. Здесь на помощь исследователю приходит корпусная лингвистика и корпусы – большие по объёму совокупности языкового материала (Коптев, Мустайоки 2008: 1-8). В настоящее время фокус внимания исследователей сместился с изучения языка на изучение речи как постоянно изменяющейся системы, поэтому абсолютное большинство лингвистов признаёт несомненную важность корпусов как источника языкового материала³.

Термин «корпусная лингвистика» имеет два значения: «это, во-первых, теория и методика создания корпусов, и, во-вторых, корпусные исследования, т. е. исследования языка с помощью корпусных методов. <...>

---

³ Впрочем, у данной точки зрения существуют и противники. Так, Н. Хомский утверждает: «Корпусная лингвистика не имеет никакой значимости. Это как если бы некие физики и химики решили, что вместо того, чтобы полагаться на результаты экспериментов, им следует делать видеозаписи явлений, происходящих в мире. Собрав большую видеотеку всего происходящего и опираясь на её материал, они, возможно, сделали бы какие-то обобщения и заключения. Знаете, в науке так не принято» («Corpus linguistics doesn't mean anything. It's like saying suppose physics and chemistry decide that instead of relying on experiments, what they are going to do is to take videotapes of things happening in the world and they'll collect huge videotapes of everything that's happening and from that maybe they'll come up with some generalizations or insights. Well, you know, sciences don't do this» (перевод мой. – Н. С.) (Andor 2004: 97).

Говоря о русской корпусной лингвистике, чаще имеют в виду второе значение (*Коптев, Мустайоки* 2008: 12).

Традиционно под *корпусом* в языкознании понимается любая репрезентативная выборка материала, необходимая для того или иного исследования. Использование корпусов текстов всегда играло важнейшую роль в исследовании мёртвых языков или языка какого-либо писателя (*Шмелёв* 2010: 236-237). Однако в настоящее время данный термин приобретает иную трактовку: под корпусом понимается не просто массив текстов, но информационно-справочная система, представленная в электронной форме и снабжённая научным аппаратом, который называется «разметкой», или «аннотацией», корпуса (*Плунгян* 2005: 6; *Что такое корпус?* 2016).

Первый языковой корпус в электронной форме был разработан в 1960-х гг. XX в. Брауновским университетом в Провиденсе, США (так называемый «Брауновский корпус»). Он включает в себя 500 текстов на американском английском, общим объёмом около 1 млн словоупотреблений (*The Brown Corpus* 1998).

Широкое развитие корпусная лингвистика получила в 1980-90е гг в связи с развитием компьютерных технологий. В этот период создаются Британский национальный корпус (BNC), ставший во многом образцовым, Американский национальный корпус, Международный корпус английского языка, Корпус современного американского английского (COCA), разрабатываются также корпуса других языков, например, Чешский национальный корпус (ČNK).

В России развитие корпусной лингвистики началось сравнительно поздно. В конце 1990-х гг. русский язык был «одним из немногих крупнейших языков, не имеющих собственного корпуса текстов, доступных для исследователей со всего мира» (*Резникова, Коптев* 2005). Создание первых русскоязычных корпусов (производившееся независимо в нескольких странах) относится к концу 1990-х – началу 2000-х гг. (Тюбингенский корпус

русского языка, Хельсинский аннотированный корпус, Корпус газетных текстов русского языка конца XX века) (*Резникова, Копотев* 2005).

В настоящее время существует множество русскоязычных корпусов, от тематических – как, например, Корпус русских публицистических текстов второй половины XIX века или корпус «Рассказы о сновидениях» (см. (*Рассказы о сновидениях* 2009) – до Национального корпуса русского языка (НКРЯ), содержащего «по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т. п.)» (*Что такое корпус?* 2016).

Рассмотрим подробнее те корпусы, на материале которых выполнено настоящее исследование: Национальный корпус русского языка и, в частности, входящий в него подкорпус устных текстов (УП), а также Звуковой корпус русского языка (ЗКРЯ), разрабатываемый на филологическом факультете СПбГУ.

1.3.1. Национальный корпус русского языка

Национальный корпус русского языка является наиболее масштабным проектом в русской корпусной лингвистике: на данный момент он содержит около 600 млн словоупотреблений, содержащихся в текстах различной временной отнесенности, разных стилей и форм речи. В корпус включаются оригинальные (непереводные) произведения художественной литературы (проза и драматургия, в дальнейшем также поэзия), имеющие культурную значимость, а также представляющие интерес с точки зрения языка. Кроме того, в корпус в большом количестве включаются и другие образцы письменного (а для современного этапа – и устного) языка: мемуары, эссеистика, публицистика, научно-популярная и научная литература, публичные выступления, частная переписка, дневники, документы и т. п. (*Что такое корпус?* 2016).

Помимо основного подкорпуса прозаических текстов, в НКРЯ входят также синтаксический, газетный, обучающий, диалектный, поэтический,

устный, акцентологический, мультимедийный и церковнославянский (исторический) подкорпусы, а также параллельные подкорпусы для разных языков (*Что такое корпус?* 2016).

Все тексты в Национальном корпусе снабжены разметкой. В настоящее время в НКРЯ используется «пять типов разметки: метатекстовая, морфологическая (словоизменяющая), синтаксическая, акцентная и семантическая» (*там же*).

Корпус устной речи (как самостоятельный корпус существует с 2007 г.) включает в себя расшифровки магнитофонных записей публичной и частной устной речи, а также транскрипты кинофильмов. При отображении текстов корпуса использована русская стандартная орфография (при этом приводятся наиболее частотные и общепринятые стяженные формы). В корпусе возможен лексический, морфологический и семантический поиск, а также формирование пользовательских подкорпусов, в том числе и по социологическим параметрам. В состав корпуса включены тексты самых разных жанров и типов, разного происхождения с точки зрения географии (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Ульяновск, Таганрог, Екатеринбург, Норильск, Воронеж, Новосибирск и мн. др.), записанные в 1900-2000-е гг. (*Состав и структура корпуса* 2016).

Как замечает Е. А. Гришина, изначально в Национальный корпус русского языка входили только письменные тексты, однако позднее, в связи с возрастающим интересом к исследованию устной речи, появилась возможность сначала разместить в рамках НКРЯ диалектные тексты, а в дальнейшем – и расшифровки литературной устной речи (*Гришина* 2005: 95). В настоящий момент объём корпуса устных текстов (КУТ) превысил 11,3 млн словоупотреблений.

Как и все тексты НКРЯ, «Корпус устных текстов» содержит большинство типов разметки: морфологическую (т. е. отражающую грамматические характеристики той или иной лексемы), семантическую

и метаразметку (закрывающуюся в снабжении текста библиографическим описанием).

1.3.2. Звуковой корпус русского языка

Звуковой корпус русского языка, разработка которого ведётся на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, включает в себя два блока, принципиально различающихся по способу организации материала: *сбалансированную аннотированную текстотеку* (САТ) и «*Один речевой день*» (ОРД).

Блок САТ изначально сбалансирован по многим параметрам, применительно к формированию данного блока ЗКРЯ реализован «принцип ковчега» («каждой твари по паре») (Богданова и др. 2010: 41). Материал сбалансирован по психологическим, социологическим и собственно лингвистическим параметрам. Тексты, составляющие этот блок, построены в рамках определенных *коммуникативных сценариев* (чтение, пересказ, описание изображения, свободный рассказ на заданную тему) и, таким образом, представляют собой монологи разной степени спонтанности (см. об этом подробнее: *Звуковой корпус...* 2013: 67-68).

По состоянию на июнь 2011 года в данную часть Звукового корпуса входило около 700 текстов (40 часов звучания), записанных от представителей различных профессий (юристы, медицинские работники, философы, преподаватели РКИ, «компьютерщики» и студенты), а также от иностранцев (американцев и китайцев), изучающих русский язык.

В формировании второго блока – ОРД – изначально был применен принцип, который условно можно назвать «принципом невода»: забрасываем широкую сеть в среду носителей языка, вытягиваем все, что в нее попало, и делаем это объектом многоуровневого анализа (Богданова и др. 2010: 41). Материалы данного блока получены благодаря применению методики 24-часовой записи, впервые предложенной при создании устной части Японского Национального Корпуса. Такой метод записи позволяет получить речь, приближенную к естественной, так как в случае длительной записи

информант забывает о диктофоне и о необходимости постоянно контролировать свою речь⁴.

Целью создания ОРД было получение «речевого среза» современного городского общества для изучения бытового языка, повседневного речевого поведения среднестатистического обывателя (см. подробнее: *Asinovsky et al.* 2009; *Богданова-Бегларян и др.* 2015). Такой подход задаёт определенные критерии при отборе информантов:

- русский язык должен быть родным для говорящего;
- отсутствие влияния определенного диалекта;
- отсутствие влияния определенной профессии, т. е. информанты должны быть представителями разных профессий;
- более или менее сбалансированный состав информантов по возрасту и гендеру.

На данный момент объём блока ОРД составляет более 1200 часов звучания, полученных от более чем 120 информантов и около 850 их коммуникантов. Объём текстовых расшифровок корпуса приближается к 1 млн словоупотреблений.

---

⁴ Совсем избавиться от микрофонного эффекта, однако, не удаётся, см. об этом, например: *Блинова* 2016.

ГЛАВА 2

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СЛОВОФОРМЫ *ТОГО*

2.1. Материал и методика исследования

Настоящее исследование, как уже упоминалось ранее, проведено на основе материала, взятого из двух корпусов русского языка – Национального (основной и устный подкорпусы) и Звукового (блок «Один речевой день»). Конкретным материалом для анализа послужили следующие контексты, содержащие форму *того*:

- все контексты из блока ОРД ЗКРЯ (336 контекстов);
- 164 контекста из устного подкорпуса НКРЯ, относящиеся к непубличной сфере функционирования (таким образом, совместно с материалами из ОРД количество исследованных употреблений формы *того* в непубличной речи составляет 500 контекстов);
- 500 контекстов из устного подкорпуса НКРЯ, относящихся к публичной сфере функционирования;
- 200 контекстов⁵ из подкорпуса кинематографических текстов в составе КУТ НКРЯ⁶;
- 500 контекстов из основного подкорпуса НКРЯ, относящихся к современной художественной прозе.

Таким образом, общий объём материала составил 1700 контекстов. Хронологически весь материал относится к недавнему периоду (все тексты устного подкорпуса НКРЯ – с 2000 года, записи ОРД – с 2009 года, тексты из основного подкорпуса НКРЯ – с 1990 года). Это позволяет говорить о рассмотрении современного среза языка через призму анализа употреблений формы *того*.

---

⁵ Меньший по сравнению с другими сферами функционирования объём материалов из киноречи обусловлен недостаточным количеством транскриптов кинофильмов, относящихся к исследуемому периоду (с 2000-х гг.) При сравнении распределения единиц с *того* по разным сферам функционирования речи реальные данные речи кино умножаются на коэффициент 2.5 для сопоставимости сравниваемых выборок.

⁶ Обоснование включения кинематографических текстов в подкорпус устной речи см. в главе 3. См. также: Гришина, Савчук 2009.

Тексты из УП НКРЯ представлены в орфографической записи, но снятыми знаками пунктуации внутри предложения, замененными на слэши. Эти слэши не несут никакой смысловой нагрузки и существуют лишь для удобства чтения (Гришина 2005: 96).

Материал, полученный из блока ОРД, анализировался по текстовым расшифровкам, в которых отсутствуют знаки препинания, однако отражены признаки спонтанности речи (паузы хезитации, обрывы, перебивы и пр.) и дано простейшее интонационное членение текстов (расстановка пауз разной длительности). Толкование знаков, используемых при расшифровке текстов, см. в статье «Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка “Один речевой день”» (Шерстинова и др. 2009).

Подбор материала для настоящего исследования осуществлялся таким образом, чтобы можно было произвести сравнение употреблений словоформы *того* в письменной речи и в различных сферах функционирования устной речи (см. об этом главу 3 настоящего исследования).

2.2. ТОГО в словарях русского языка

Даже в словарной кодификации вариативность употреблений исследуемой словоформы очень велика. Так, в Малом академическом словаре (МАС 1981: 372, 390) можно обнаружить следующие фиксации (см. рис. 1).

ТОТ, местоимение:

- 1) указательное, в функции имени существительного, в различных значениях;
- 2) указательное или определительное в функции имени прилагательного в различных значениях;
- 3) входит в состав сложных союзов (*для того чтобы, ввиду того что, до того как* и под.);

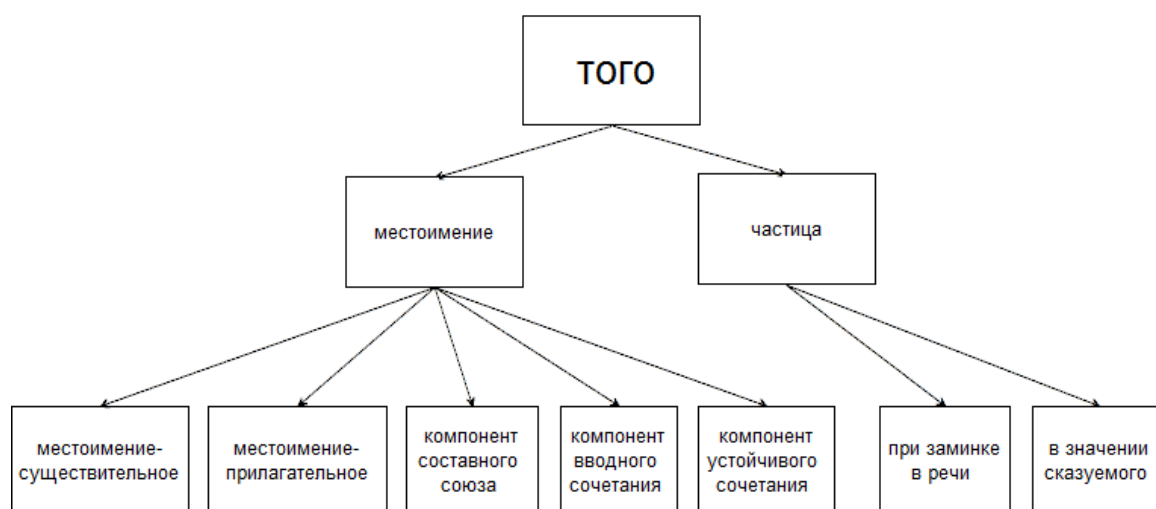
4) входит в состав «словосочетаний, обычно вводного характера, связывающих различные части высказывания» (*кроме того, сверх того* и под.);

5) входит в состав устойчивых сочетаний: *того и гляди, того и жди, ни с того ни с сего, не на того попал, без того, до того* и др.

ТОГО́ и ТОВО́, частица:

1) служит для заполнения паузы при заминке в речи, затруднении в выборе слов, иногда взамен какого-л. слова или словосочетания || при сообщении о каком-л. неблагоприятии, неприятности или о чем-л. не совсем благовидном;

2) в значении сказуемого: употребляется для обозначения каких-л. ненормальностей, нарушений в психике человека; в значении: 'плохой, неважный', также – безличное со значением 'нехорошо, неблагоприятно, не в порядке'.

*Рис. 1. Кодифицированные варианты формы **того***

В ходе анализа материала стало понятно, что форма *того* обнаруживает гораздо более широкие функциональные возможности, и, таким образом, классификация вариантов употребления должна быть расширена.

2.3. Функционально-грамматические возможности формы ТОГО

Изначально *того* являлась формой указательного местоимения *тот*. В процессе развития языка эта словоформа обретает новые значения и функции, входя также в состав конструкций⁷ разной степени грамматичности и идиоматичности. Некоторые из этих конструкций сохраняют отчётливую связь с местоименным компонентом со значением указательности, в других же эта связь, а вместе с ней и функция указательности, оказывается утраченной. В таком случае можно говорить об изменении частеречной принадлежности единицы с формой *того*. Предлагаемое описание (см. рис. 2) вариантов функционирования *того* в современной русской речи основывается прежде всего именно на частеречной принадлежности единицы, содержащей данную форму (**лексико-грамматическая вариативность**). При таком подходе можно выделить следующие варианты:

- 1) форма местоимения-прилагательного *тот* в м. р. и ср. р. в Род. п. и Вин. п.;
- 2) форма местоимения-существительного *тот* в м. р. и ср. р. в Род. п. и Вин. п., а также все конструкции с выраженным указательным местоименным компонентом, содержащие эту форму;
- 3) частица *того* в различных функциях;
- 4) компонент составных союзов (*для того чтобы, из-за того что, кроме того что* и под.);
- 5) компонент фразеологизмов с наречным значением (*ни с того ни с сего, того и гляди*⁸).

---

⁷ Под термином «конструкция» мы понимаем «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (*Лингвистика конструкций* 2010: 19).

⁸ Возникает вопрос, правомерно ли включать единицу *того и гляди* в класс фразеологизмов с наречным значением. Мнения словарей и грамматик на этот счёт разнятся: так, в «Русской грамматике» данная единица относится к классу частиц (*Русская грамматика* 1980а: 725), в некоторых словарях (*БТС* 1998: 1335, *Тришин* 2013) отмечается наречное значение этой единицы, кроме того, в части словарей (например, *МАС* 1981: 390, *Ожегов, Шведова* 2006) частеречная принадлежность *того и гляди* не указывается. Мы относим данную единицу к фразеологизмам со значением наречия, поскольку в большинстве контекстов у

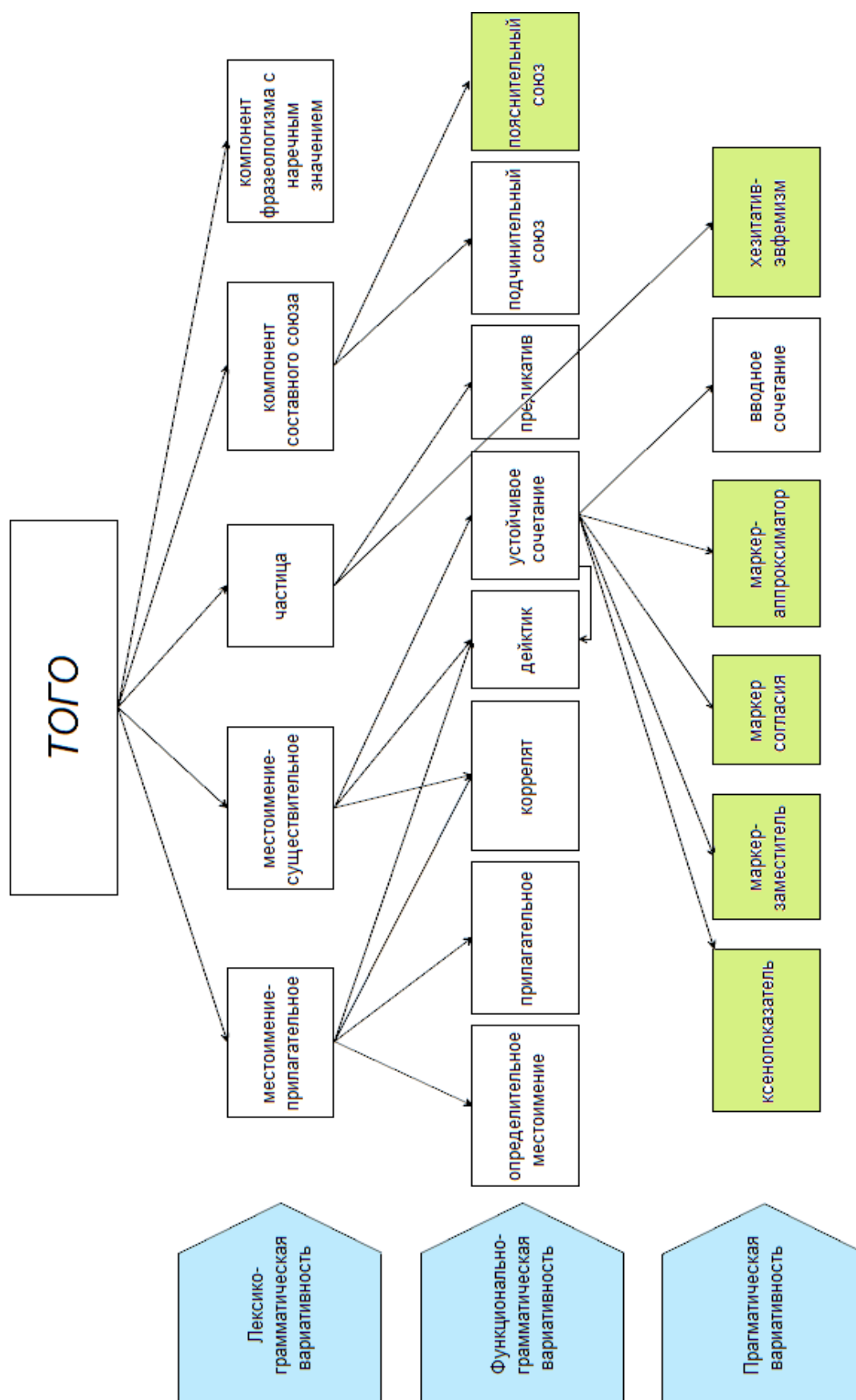

Рис. 2. Функциональный потенциал формы *того*

того и *гляди* наблюдается выраженное обстоятельственное значение, см., например: *Да не / ну я выходить не буду / там дождь того и гляди пойдёт* (Разговор с инспектором ДПС // Интернет, 2009).

Данные варианты распределяются в речи неравномерно (см. рис. 3). Невысокую частотность частиц и фразеологизмов с наречным значением, содержащих форму *того*, можно объяснить тем, что эти единицы стилистически маркированы (частица *того* имеет помету «прост.», фразеологизмы *того и гляди* и *ни с того ни с сего* имеют помету «разг.»), и, таким образом, употребительны не во всех сферах функционирования речи (см. об этом главу 3 настоящего исследования).

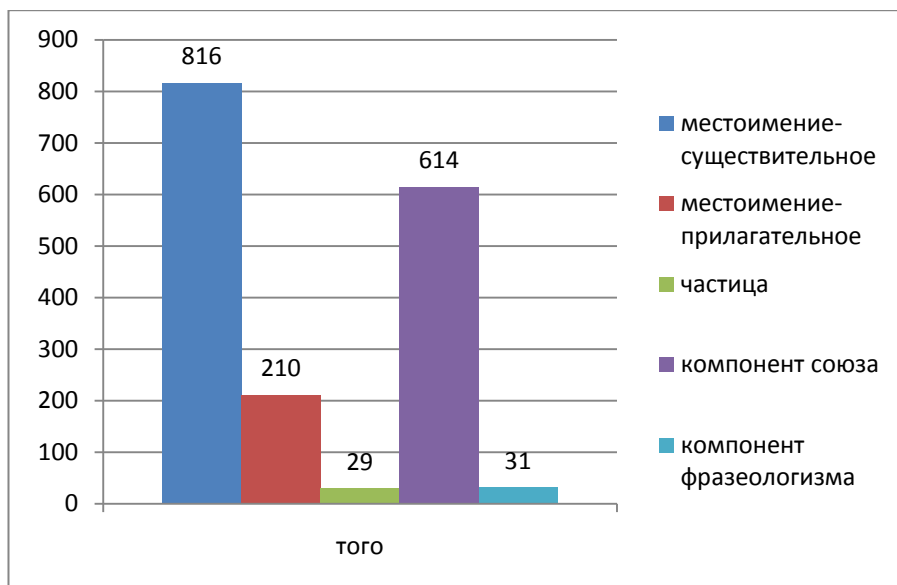

Рис. 3. Лексико-грамматическая вариативность формы *того*

Частеречная принадлежность единиц, содержащих форму *того*, обуславливает варианты их функции в тексте (*функционально-грамматическая вариативность*).

На проанализированном материале были выявлены разнообразные функционально-грамматические варианты. Рассмотрим их более подробно.

2.3.1. ТОГО как местоимение-прилагательное

2.3.1.1. Указательное местоимение-прилагательное в дейктической функции

Очевидно, что *дейксис*, т. е. «указание как значение или функция языковой единицы» (Виноградов 1990: 128), является основной функцией указательных местоимений. Существуют два вида дейксиса: собственно дейксис, или *парадигматический дейксис*, который указывает на факты внеязыковой действительности (т. е. на участников речевого акта, на предмет

речи, на степень удалённости объекта высказывания и т. п.), и *синтагматический дейксис*, называемый также *анафорой*, который ориентирован на внутреннюю организацию текста и обеспечивает семантическую связность дискурса (Виноградов 1990: 128).

Форма *того* местоимения *тот* может выполнять как собственно дейктическую, так и анафорическую функцию, однако в настоящей работе задача различения этих функций не стоит. Таким образом, мы используем термин «дейксис» в широком значении, имея в виду как собственно дейксис, так и анафору.

Дейктическая функция местоимения-прилагательного *того* может быть проиллюстрирована следующими примерами:

- *Сашка / так парня того зовут / уже тоже еле сдерживается* (Рассказ о молодом человеке // Из материалов Ульяновского университета, 2007);
- *Вот эта идея была / кстати говоря / очень свойственна миллионам людей того периода*⁹ (А. Сахаров. Дипломатия 1939-1945 годов. Проект Academia (ГТРК Культура) (2011)).

2.3.1.2. Указательное местоимение-прилагательное в функции коррелята в соотносительных сложноподчинённых предложениях

Важная функция указательных местоимений – обеспечение корреляционной связи в местоименно-соотносительных предложениях. «Являясь формально, подобно опорному слову присловного предложения, членом главной части, к которому относится придаточная часть, соотносительное слово, вследствие своей лексической ненаполненности, само играет служебную роль по отношению к придаточной части: связывает ее содержание с содержанием главной части» (Современный русский язык. 1989: 758-759). К таким соотносительным словам относятся все местоимения отдалённого указания, в том числе местоимение *тот*. Например:

- *Он долго не догонял / в чем дело / пока кто-то из того потока / которому он читал лекцию не крикнул / что типа здесь в 4 часа*

---

⁹ Среди употреблений *того* в функции дейктического местоимения-прилагательного немалую часть составляют лексически связанные употребления, относящиеся, как правило, к временному дейксису (*того времени, того периода, с того момента*).

экзамен будет (Домашний разговор московских студентов // Из коллекции НКРЯ, 2007);

- *Но я хочу пойти / э / немножко дальше в чтении того текста / который перед нами* (В. Иванов. Этрусский язык. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)).

2.3.1.3. Определительное местоимение

На базе местоимения *тот* образованы местоимения *тот же, тот самый, тот же самый, тот или иной, один и тот же*. В большинстве случаев в реальном употреблении они утрачивают указательность и переходят в разряд определительных местоимений:

- *вот... по теории вероятности вероятность того или иного события обусловлена целым рядом обстоятельств / которые эти обстоятельства и провоцируют* (В. Тодоровский, Г. Островский. Мой сводный брат Франкенштейн, к/ф (2004));
- *пирамиды сделаны из одного и того же материала / какие начнут раньше тонуть ?* (ОРД)

2.3.1.4. Местоимение в значении признака

Стоит особо отметить две разновидности устойчивых сочетаний с местоимением-прилагательным *того*:

1) *тот* = «прошлый»:

- *я что-то вижу запись того года* (ОРД);

2) *тот* = «загробный, потусторонний» (в сочетании *тот свет*):

- *Когда-нибудь не останется ничего, кроме голосов с того света* (А. Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни», 2012).

В обоих случаях, несмотря на сохранение оттенка указательного значения, элемент «признаковости» преобладает, что подтверждается наличием синонимов, выраженных прилагательными.

Функционально-грамматические варианты употребления местоимения-прилагательного *того* распределяются в исследованном материале следующим образом: (см. рис. 4).

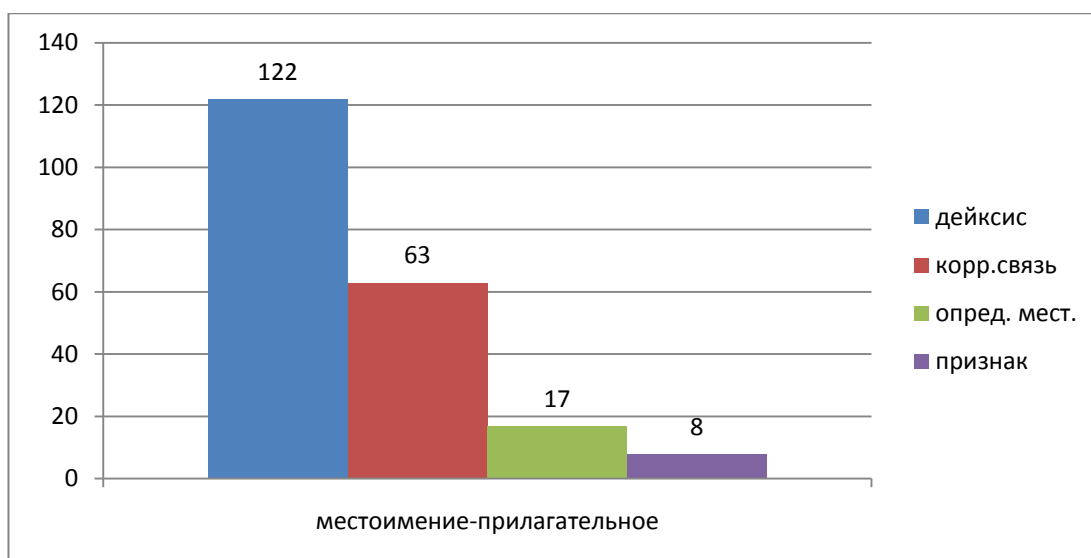

Рис. 4. Распределение вариантов употребления местоимения-прилагательного *того*

2.3.2. ТОГО как местоимение-существительное

2.3.2.1. Указательное местоимение-существительное в дейктической функции

Как и местоимение-прилагательное *того*, омонимичное местоимение-существительное выполняет, прежде всего, дейктическую функцию, т. е. указывает на внеязыковую действительность или на элемент текста (см. п. 2.4.1.1 настоящего исследования):

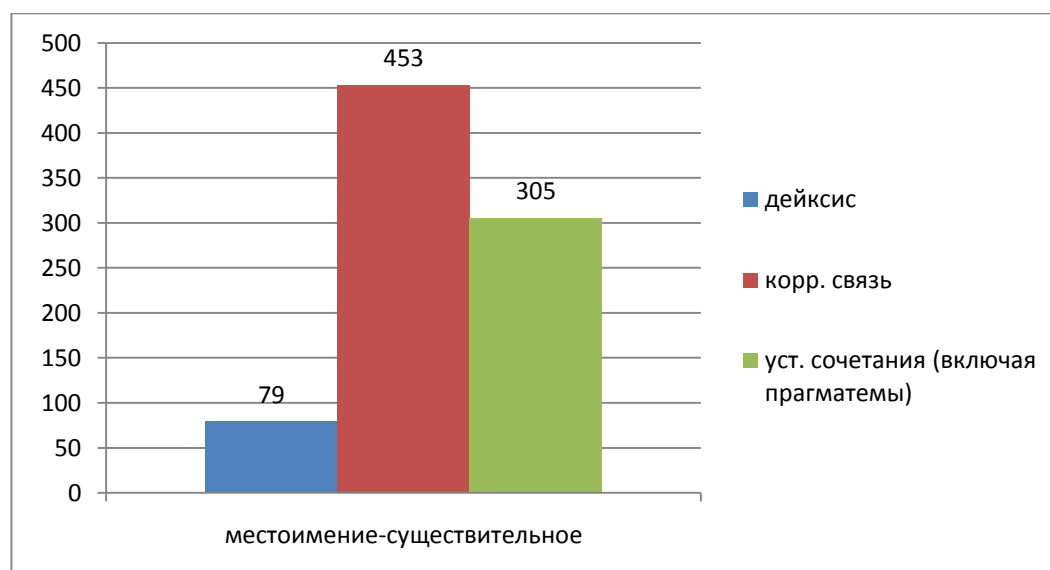
- *я такая говорю / ты чего как свой бра... как твой братик / уже стал говорю / я у того того тоже должна прощения просить непонятно из-за чего (ОРД);*
- *В этот вечер он играл очень хорошо, Дима радовался за него и смотрел на музыковеда. Лицо того было непроницаемо. Водка была выпита (А. Слаповский. Гибель гитариста (1994-1995)).*

2.3.2.2. Указательное местоимение-существительное в функции коррелята в соотносительных сложноподчинённых предложениях

Местоимение-существительное *того* также выступает в функции соотносительного слова в предложениях с корреляционной связью (см. п. 2.4.1.2). Следует отметить, что, хотя данная функция и не является первичной для этого местоимения, на современном этапе развития языка именно она преобладает (см. рис. 5).

- *Вымани его / а когда он будет в твоих руках / то потребуй / чтобы привели того / кто убил твоего Андрея* (Т. Бекмамбетов, С. Лукьяненко. Ночной дозор, к/ф (2004));
- *Цель конкретного опроса / выяснение того / что думает по тому или иному вопросу население или какие-то локальные группы* (Дискуссия об органах местного самоуправления // Интернет, 2001-2004).

*Рис. 5. Распределение вариантов употребления местоимения-существительного **того***

2.3.2.3. Указательное местоимение-существительное в составе устойчивых сочетаний

Как было отмечено выше, указательное местоимение-существительное *того* входит в состав различных конструкций, не утрачивающих, тем не менее, элемент указательности. Например:

- *А что из того / ведь... заранее не угадаешь / на что напорешься.* (Петр Тодоровский. Жизнь забавами полна, к/ф (2001));
- *один вопрос / это того стоит ?* (ОРД).

Отдельно следует выделить конструкции:

1) употребляющиеся в значении обстоятельства времени (*до того, после того*) или степени (*до того*):

- *вообще / честно говоря / я очень удивлена и обрадована тем что вы знали это ещё до того / я увидела / да / в расписании / но там мелко / обычно меня вообще не пишут нигде* (ОРД);
- *Стало свежо и в сумерках как-то тревожно, точно невесть каким образом перенесли тебя со знакомой улицы в заколдованное царство –*

до того неузнаваемыми стали окружающие предметы (Б. Поздняков. Чужой ужин // «Сибирские огни», 2013);

2) употребляющиеся в значении сказуемого ((не) до того):

- *видимо тем ребятам / которые выясняли в машине отношения / когда им в зад въехали / было не до того* (ОРД).

Кроме того, при анализе материала был выявлен ряд конструкций, формально включающих в себя местоимение-существительное *того*, лексическое и грамматическое значение которых ослаблено, и на передний план выходит их прагматическое значение, т. е. та функция, которую они выполняют в структуре устного дискурса. Подобные единицы, называемые прагматами, подробно описаны ниже (см. п. 2.5 настоящего исследования).

2.3.3. ТОГО как частица

Частица *того* представляет собой, по-видимому, результат одного из ранних изменений частеречной принадлежности местоимения *тот*. Некоторые исследователи выводят её происхождение из другого источника, так, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера указано следующее: «по мнению И. Шмидта (KZ 23, 292), *того* – первоначальный им.-вин. п. ед. ч. притяжат. прилаг., производного от *to-*, аналогично **inogъ*, **ŕetvyrъ*» (Фасмер 2006). Однако такое объяснение кажется нам едва ли правомерным, поскольку корпусный материал позволяет получить данные, доказывающие происхождение частицы *того* от соответствующего указательного местоимения.

Так, например, *того* может встраиваться в ряд подобных ему элементов очевидно местоименного происхождения: *того (этого) (самого)*, ср.:

- *И вы, сударь, не без греха! Чуть, вот именно, заметите, что чья собака лучше вашего Угада, сейчас же начинает **того, этого... самого...** и тому подобное... Ведь я всё помню!* (А. П. Чехов. Предложение (1888)).

Того в значении частицы нередко употребляется также в паре с относительно-вопросительным местоимением *чего*, ср.:

- – *Что-то вы не очень того... – Чего того? – Ну, эта...* (Л. Гурченко. Аплодисменты (1994-2003));
- – *Кабы, Трофим Петрович, того... – Чего «того»? – передразнил прасол, – водки просить пришел, ненасыть?* (А. В. Амфитеатов. Княжна (1889-1895)).

Кроме того, корпусный материал позволяет установить, что частица *того* всегда являлась стилистически маркированной, свойственной простонародной речи. В литературе *того* в роли частицы появляется в 1840-х гг. в произведениях писателей – представителей натуральной школы (Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. К. Толстого, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Д. В. Григоровича, И. Т. Кокорева, А. И. Герцена, Н. В. Гоголя), имитирующих в текстах речь людей с низким социальным статусом, ср.:

- *Только смотрю: едет верхом да в шапке приказчик, – говорит: не извольте, **того**, забижать; я его, **того**, в зубы* (И. С. Тургенев. Безденежье (1846)).

Словари указывают, что частица *того* «служит для заполнения паузы при заминке в речи, затруднении в выборе слов, иногда взамен какого-либо слова или словосочетания», а также используется «при сообщении о каком-либо неблагоприятии, неприятности или о чём-либо не совсем благовидном» (МАС 1981: 372). Анализ материала позволяет установить градацию функций частицы *того*:

1) употребление при заминке в речи:

- *Ага / щас эт **того**... вообще большая проблема* (О. Столповская и др. Я люблю тебя, к/ф (2004));

2) заминка в речи при сообщении неблагоприятной информации:

- *не ну он сменил на нормальную / я говорю что просто ты какой-то **того** / очень депрессивно выглядишь / ну то есть такой совсем прямо ...* (ОРД);

3) полная замена неблагоприятной информации (эвфемизация):

- *Э... знаешь / мы твою видеокамеру... э... **того*** (О. Куваев. Масяня, м/ф (2002-2008)).

Что касается использования *того* в функции сказуемого (со значением ‘плохой’ или обозначающего нарушения в психике), его, по-видимому, можно считать следующей ступенью приведённой выше градации:

4) лексикализация прагматемы¹⁰ с эвфемистической функцией:

- *я боюсь что там уже на тех этажах труба уже г... **того** / там полтинник же старый* (ОРД);
- *А может быть / характер речи / выражение глаз / это всё / товарищ психоневролог / только чисто внешне. А внутренне я уже **того*** (С. Соловьев, Д. Соловьев. Нежный возраст, к/ф (2000)).

Функциональные варианты частицы *того* распределяются в речи следующим образом (см. рис. 6).

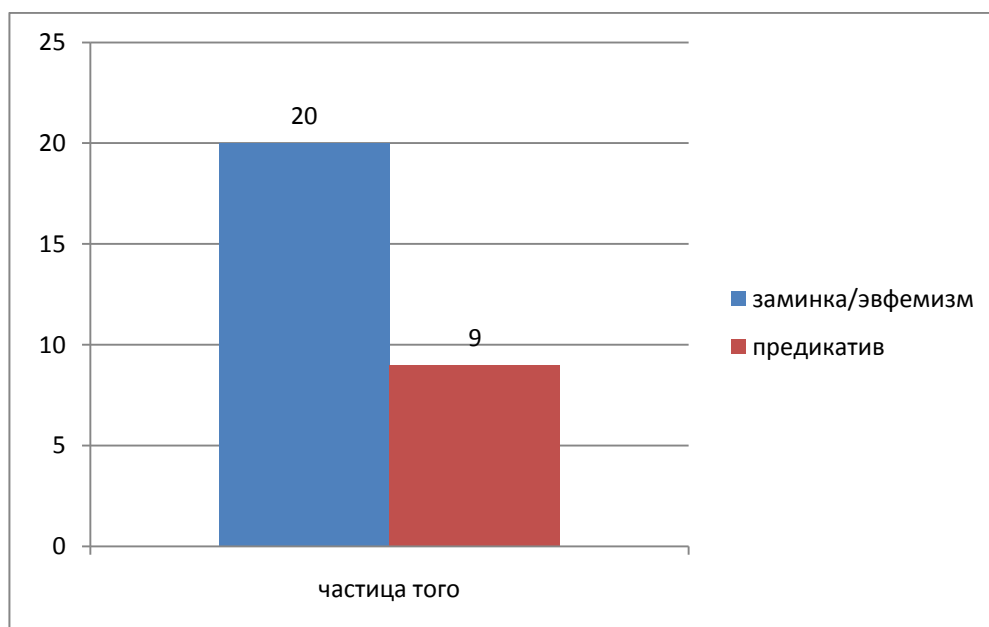

Рис. 6. Распределение вариантов употребления частицы **того**

2.3.4. ТОГО как компонент составного союза

Довольно обширный класс единиц (и больше 36 % всех проанализированных контекстов) с формой *того* представляют собой составные союзы. Такие союзы образуются из соединения простого подчинительного союза (*что, как, чтобы, если*) и предложно-падежного сочетания в роли семантического конкретизатора. Союзы с формой местоимения *тот* в позиции именной словоформы являются наиболее типичными для этого класса единиц (*Русская грамматика* 1980а: 716).

¹⁰ Подробнее о прагматемах см. раздел 2.4.

Таковыми союзами являются, например, *для того чтобы, из-за того что, вместо того чтобы, вплоть до того что, кроме того что, насчёт того что, по мере того как, после того как, в зависимости от того что* и др. Таких примеров в материале исследования множество:

- *а (э) гараж нужен для того чтобы там реставрировать машины (ОРД);*
- *Есть/ правда/ предел/ выше которого частицы уже не могут ускоряться из-за того/ что рассеиваются на волнах таких известных... такое реликтовое излучения (Л. Зеленый. Солнечная империя. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010))*

Кроме того, среди составных союзов наблюдается тенденция замены исходной формы указательного местоимения формой Род. п. ед. ч.: вместо словарной формы *в том плане что* употребляется *в плане того что*, вместо *в том смысле что* – *в смысле того что*, и т.п.:

- *ну вот / в плане того что (...) шкафчик здесь примыкает / здесь (ОРД);*
- *но (...) джаз и в общем (...) нормальный вход / ну нормальный в смысле того / что *Н он был крепкий (ОРД).*

Следует заметить, что большинство таких единиц, образованных при помощи предложных сочетаний, может быть отнесено к классу союзов весьма условно, так как «при усилении знаменательности входящих в такое соединение слов его цельность может ослабляться или разрушаться» (Русская грамматика 1980а: 717).

В особом положении среди прочих союзов находится не зафиксированный в словарях и грамматиках составной **пояснительный** союз *типа того что* (вроде того что). Формально являясь подчинительным, содержательно этот союз выполняет функцию сочинительного союза *то есть* (см.: Богданова-Бегларян 2014а):

- *вот / ну он значит с утра на работу / ей список дел там / страшных / типа того / что дрова там напилить / () пропылесосить / а у них дом такой тоже *С / @ угу (ОРД);*
- *я говорю мама / которая всю / весь спектакль сидит в кресле инвалидном / *В заходит в платье вечернем такая / типа того что же она / она уже ходит (ОРД).*

Этот союз, как и другие конструкции с формой *типа*, характерен для устной повседневной речи. В исследованном материале пояснительный союз *типа того что* встретился 6 раз в речи разных информантов, что говорит о неслучайности и повторяемости данной единицы, а это, в свою очередь, обуславливает необходимость её словарной фиксации.

2.3.5. ТОГО как компонент фразеологизма с наречным значением

Форма *того* входит также в состав устойчивых сочетаний, в которых её указательное значение оказывается утраченным, что обуславливает необходимость выделения таких единиц в отдельный грамматический класс. Такими единицами являются фразеологизмы с наречным значением *того и гляди* и *ни с того ни с сего*:

- *я ни с **того** ни с сего / я упала // вот по-настоящему упала / и не могу встать // @ угу* (ОРД);
- *Да не / ну я выходить не буду / там дождь того и гляди пойдёт* (Разговор с инспектором ДПС // Интернет, 2009).

2.4. Прагматемы, включающие форму ТОГО

2.4.1. Немного о лингвистической прагматике. Поиск термина

Термин «прагматика» был предложен в конце 1930-х гг. Ч. Моррисом как один из разделов семиотики, которая делится на *семантику* (отношение знаков к тому, что они обозначают), *синтактику* (отношение знаков друг к другу) и *прагматику* (отношение знаков в том, кто их использует) (Morris 1971). В современной лингвистике под прагматикой понимается «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» (Арутюнова 1990: 389).

Как отмечалось выше, в анализируемом материале (как и в речи в целом), имеется ряд единиц, значение которых выходит за рамки традиционного лексического и грамматического значения и определяется в первую очередь функцией, выполняемой ими в структуре дискурса (такая функция называется *прагматическим значением* единицы).

В лингвистике неоднократно производились попытки найти подходящий термин для подобных единиц устного дискурса. Одним из самых распространённых является термин *дискурсивные слова* (*discourse markers*) (Schiffrin 1988). Авторы «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка», одной из первых работ о дискурсивных словах в русском языке, дают следующее толкование данного понятия: «имеются в виду единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» (Баранов и др. 1993: 7).

Одним из фундаментальных исследований дискурсивных слов на русском материале является работа «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания», выполненная под редакцией К. Л. Киселевой и Д. Пайара (*Дискурсивные слова...* 1998). По мнению авторов, дискурсивные слова определяются прежде всего исходя из функциональных критериев, главный из которых – установление отношения между составляющими дискурса. Таким образом, значение дискурсивных слов, не имеющих денотата, можно изучать только через их употребление (Богданова-Бегларян 2014б: 10). В класс дискурсивных слов по функциональным критериям входят служебные или неполнозначные слова, модальные слова, частицы и некоторые наречия.

Описанный термин, однако, не охватывает всех возможностей употребления единиц дискурса с выраженным прагматическим значением. В связи с этим стоит обратить внимание на термин *прагмалексема* (см.: Rathmayr 1975), поскольку многие исследователи отмечают активный процесс *прагматикализации* (см.: Günther, Mutz 2004; Graf 2011: 288, 296). В ходе этого процесса определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и иногда становятся сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний. (Graf 2011: 296).

Прагмалексему называют также *прагматемой*, и мы, вслед за Н. В. Богдановой-Бегларян, отдаём предпочтение этому термину, поскольку «зачастую эти единицы представляют собой не отдельные лексемы, а целые конструкции, которые могут иметь несколько вариантов употребления» (Богданова-Бегларян 2014б: 10).

Анализ материала показал наличие разнообразных типов прагматем, включающих форму *того*. Рассмотрим их подробнее.

2.4.2. Вводные сочетания

Пожалуй, единственный тип прагматем, традиционно описываемый в научной литературе – это *вводные сочетания*. В традиционном синтаксисе под вводными конструкциями (словами, сочетаниями слов, предложениями) понимается особый вид осложнения простого предложения элементами, «не являющимися членами предложения и выражающими субъективную модальность, т. е. отношение пишущего (говорящего) к собственному высказыванию» (Синтаксис... 2009: 167; см. также: Буланин 1976: 188-189; Русская грамматика 1980б: 228; Кручинина 1990).

В исследованном материале были обнаружены следующие вводные сочетания: *кроме того, более того, больше того, пуще того, сверх того, мало того*. В «Русской грамматике» подобным сочетаниям приписывается следующее значение: «характеристика сообщения по разнообразным связям, отношениям и зависимостям, а также по месту в строе текста: *кроме того, к тому же, во-первых, во-вторых, в-третьих...*; *по обычаю, по обыкновению*» (Русская грамматика 1980б: 229). Таким образом, нет сомнений в том, что подобные вводные сочетания являются дискурсивными маркерами, поскольку они обеспечивают связность дискурса и устанавливают отношения между его составляющими, следовательно, данные единицы могут быть включены в класс прагматем. Примеры из материала исследования:

- *Кроме того* / в обед большой перерыв / можете также сходить пообедать (Разговор об устройстве на работу // Из коллекции НКРЯ, 2007);

- *Более того / эти отдельные сгущения также собираются в ещё более крупные сгущения/ которые образуют супер-кластеры* (М. Маров. Солнечная система. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010).

2.4.3. Маркеры нечёткой номинации: маркер-заместитель и маркер-аппроксиматор

В русской речи существует группа прагматем, позволяющих осуществлять нечеткую, или приблизительную, номинацию. Эта группа средств реализуется в контекстах, где прямое, точное название объекта или положения дел оказывается невозможным или нежелательным, например, по причине того, что говорящий считает его неуместным. Существует две стратегии нечёткой номинации – *стратегия замещения* и *стратегия совмещения* – и два соответствующих маркера.

В первом случае маркер используется *вместо* предполагавшегося или возможного точного наименования, отсылая к более размытой или более широкой категории. Маркеры такого типа называются *заместителями* и обычно имеют местоименную природу, ср.:

- *а если () если / это мы будем выцарапывать это / через приставов / через того / через сего / то какой смысл не подавать ?* (ОРД);
- [Эмиль, муж] *Бери эту рыбку / Артур [Артур, муж] А? А... щас я и того / и сего* (Разговоры за игрой в карты // Из коллекции НКРЯ, 2009).

Во втором случае маркер выступает «не “вместо” ненайденного языкового выражения, а “вместе” с одной или несколькими “пробными” попытками вербализовать некоторый смысл, т. е. как сигнал о том, что предпринятая попытка нуждается в обобщении или уточнении, но адекватного языкового выражения в арсенале говорящего в данный момент не нашлось» (Подлеская 2013). Такие маркеры называются *аппроксиматорами*, т. е. выражают приблизительное значение, ср.:

- *Потом юбилейный какой-нибудь будет концерт / типа того* (Разговоры на рынке // Из коллекции НКРЯ, 2008);
- *да нет // просто () глянуть / что () что есть // интересно // ну () типа того* (ОРД).

2.4.4. Маркер согласия

Маркеры согласия *типа того* и *вроде того* употребляются, как правило, совместно с другими подобными маркерами – *да и ну* (Богданова-Бегларян 2014а: 253):

- – *Вы сочиняете дома?* – Ну типа того (А. Кириенко и др. Инди, к/ф (2007));
- [Дарья, жен, 19] *Думает о будущем может* [смеётся] [Антон, муж, 19] *Да типа того. Ну / так не хочется это всё делать* [Телефонные разговоры московских студентов (2008)].

2.4.5. Ксенопоказатель (маркер чужой речи)

Единица, вводящая чужую речь, называется *ксенопоказателем* (см. Арутюнова 2000; Левонтина 2010) (ср., например, традиционные маркеры чужой речи *мол, дескать*). В повседневной речи в этой функции встречается конструкция *типа того (что)*¹¹, а также синонимичная ей *вроде того (что)*:

- *и появляется баба // П* // типа того что блин / *П такие воспоминания! такие воспоминания! *В не могла просто вот / пропустить мимо (ОРД);*
- *то есть даже / я просто к тому что и гиду там намекали / на то что ну как бы действительно она работала / здесь хоть бы что / мы за... заплатим ей (...) типа того что меньше / ну... (ОРД).*

2.4.6. Вербальный хезитатив

Одной из основных функций прагматем является заполнение пауз хезитации, т. е. данные единицы используются при заминке в речи, при подборе говорящим нужного слова. К числу *вербальных хезитативов* можно отнести единицу *того* в функции частицы, описанную в разделе 2.4.3 настоящего исследования (см. выше). Подробнее о вербальных хезитативах см. *Звуковой корпус...* 2014.

2.4.7. Распределение прагматем с компонентом *того* в речи

Общее количество прагматем в исследованном материале – 218 (более 12 % от общего числа контекстов), из них 83 (4,9 % от общего числа)

---

¹¹ Конструкция *типа того (что)* выступает, таким образом, по крайней мере, в четырёх различных функциях: маркера-аппроксиматора, маркера согласия, ксенопоказателя, а также пояснительного союза. Думается, что эту конструкцию можно отнести к числу «многозначных синтаксических фразем» (см. Иомдин 2008, Богданова-Бегларян 2014а, *Звуковой корпус...* 2014).

относятся к недостаточно описанным или вовсе не зафиксированным в словарях единицам. Описанные типы прагматем распределяются в материале следующим образом (см. рис. 7).

Как видно из рис. 7, самыми распространёнными в речи прагматами, содержащими форму *того*, являются вводные сочетания. Их «популярность» объясняет факт того, что данные единицы были неоднократно описаны различными исследователями. Тем не менее, нельзя оставлять без внимания остальные типы прагматем, не имеющие ещё словарной кодификации. В настоящее время разрабатывается проект *Словаря прагматем русской разговорной речи* (подробнее см.: Богданова-Бегларян 2014б), в котором планируется дать всесторонний обзор распространённых в речи прагматем.

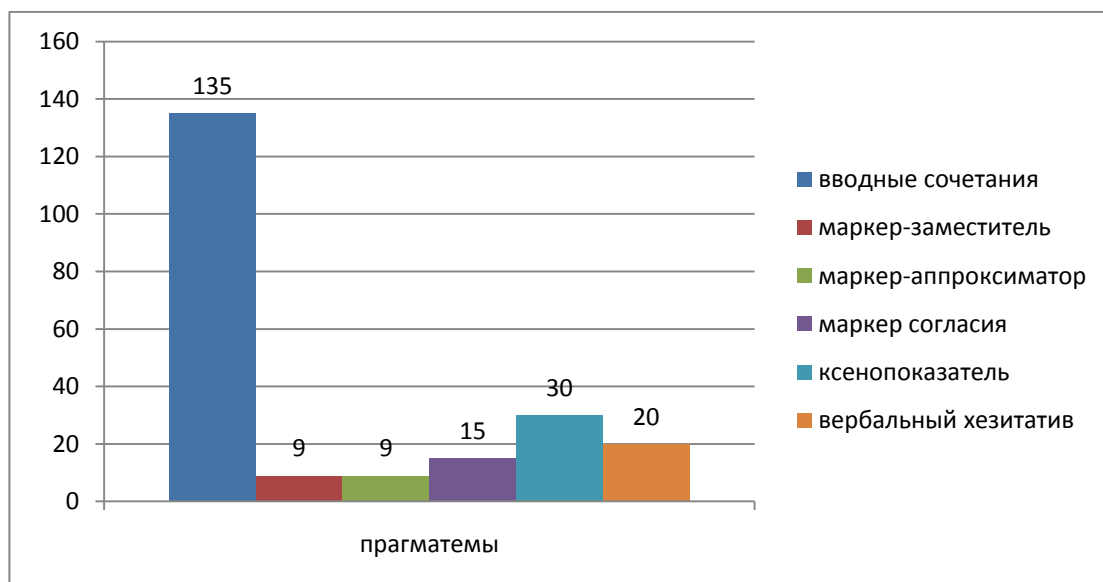

Рис. 7. Распределение типов прагматем, включающих *того*

2.5. Выводы по главе 2

В результате исследования корпусного материала было установлено, что функциональные возможности формы *того* значительно превышают описанные в словарях. Наибольшее разнообразие наблюдается среди форм, считающихся типичными для живой разговорной речи: прагматем и устойчивых сочетаний с различным значением. Выявлено несколько форм, требующих словарной фиксации.

ГЛАВА 3

УПОТРЕБЛЕНИЕ *ТОГО* В РАЗНЫХ СФЕРАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЧИ

3.1. Сферы функционирования текстов в Национальном корпусе русского языка

В основном подкорпусе НКРЯ под *сферами функционирования* (СФ) текстов подразумеваются те сферы речевой деятельности человека, которые «определяют выбор правил речевого поведения, речевого взаимодействия автора и адресата, выбор речевых жанров, принципов построения и языкового оформления высказываний» (Гришина 2005: 103). В устных текстах речевое поведение говорящего, степень его самоконтроля зависят прежде всего от степени «публичности» высказывания, рассчитанности его на постороннюю аудиторию, поэтому разработчики корпуса сочли более адекватным для устного материала ввести следующее подразделение: в качестве сфер функционирования устных текстов предлагается выделить:

1) *устную публичную речь*, которая либо априори предполагает наличие слушателей и запись на носителях, либо просто допускает их как естественные,

2) *устную непубличную речь*, не предполагающую наличия посторонних слушателей и фиксации на носителях (*там же*).

Подкорпус *кино*, включающий транскрипты речевой составляющей игровых и мультипликационных фильмов, – уникальный компонент корпуса устной речи в составе НКРЯ. Как отмечают разработчики КУТ, эта сфера существования языка до сих пор почему-то ускользала от внимания исследователей устной речи и составителей больших корпусов. Между тем, влияние этих текстов в русском узусе чрезвычайно велика (Гришина, Савчук 2009: 132).

Возникает вопрос о правомерности включения киноречи в состав стандартного корпуса УР, поскольку речь кино, в отличие от разговорной, отвечает совсем иным требованиям. Основными свойствами разговорной

речи, «которые обеспечивают ее синтаксическое, семантическое, а также морфологическое своеобразие, являются ее спонтанность, неподготовленность, а также невоспроизводимость», а речь кино неспонтанна, подготовлена и принципиально воспроизводима; с другой стороны, странно было бы относить речь кино к письменной (Гришина 2007). Предлагается следующее решение этой дилеммы: речь кино – это *имитация устной речи* (там же; см. также: Капанадзе 2005).

Это утверждение было доказано результатами исследования, проводившегося на материале Национального корпуса русского языка (Гришина 2007). При сравнении устных и письменных текстов НКРЯ было получено значительное расхождение по ряду показателей, которые были названы *маркерами устной речи*. В их число вошли контактоустанавливающие средства (межфразовые скрепы (*ну, да*), метатекстовые вставки (*вот, значит* и др.), контактные слова, привлекающие внимание слушателя (*знаешь, понимаешь* и др.) и под.), эгоцентрические элементы, проявляющие говорящего в его речи, дейктические элементы. (полный список выявленных маркеров устной речи см.: Гришина, Савчук 2009). По этим параметрам было произведено сравнение представленных в корпусе разновидностей устной речи с письменными текстами с различной степенью устности.

Результаты исследования материала киноречи показали, что её показатели устности близки к показателям естественной речи, а по некоторым параметрам даже и превосходят их. Таким образом, включение речи кино в корпус устных текстов можно считать полностью оправданным (см. там же).

Для анализа в настоящем исследовании был отобран материал, относящийся ко всем трём сферам функционирования устной речи: *непубличной, публичной и киноречи*. Данные, полученные на основании анализа устных текстов, сравнивались также с данными, полученными на материале *современной художественной прозы* из основного подкорпуса

Национального корпуса русского языка. Выбор именно художественных прозаических текстов обусловлен тем, что они обладают самыми высокими показателями «устности» среди прочих письменных текстов, исключая драму (см. об этом: *Гришина, Савчук 2009*).

Непубличная сфера функционирования охватывает в основном то, что принято понимать под разговорной речью, *публичная* – другие разновидности устной литературной речи, например, научную или публицистическую речь.

3.2. Распределение функциональных вариантов формы ТОГО в речи разных сфер функционирования: гипотезы

В работе были выдвинуты следующие предположения о картине распределения вариантов *того* в разных функциональных сферах:

1) данные *публичной* и *непубличной речи* значительно различаются, поскольку эти сферы обслуживают совершенно различные коммуникативные ситуации, что обуславливает выбор иных средств выражения прагматики речи;

2) данные *речи кино* близки к данным *непубличной речи*, поскольку киноречь является имитацией РР;

3) данные языка *художественной литературы* отличаются от устной речи в целом, поскольку письменный текст строится по иным принципам, и в то же время в некоторых аспектах близки к *киноречи*, так как кино и художественная литература решают сходную задачу изображения действительности.

3.3. Частотность формы ТОГО в Национальном корпусе русского языка

Как в устной, так и в письменной формах речи наиболее частотными являются семантически ненаполненные слова (см., например: *Частотное распределение...* 2016, *Шерстинова 2016*). К таким словам относятся служебные части речи (предлоги, союзы), а также местоимения, которые получают семантическое наполнение в зависимости от контекста, в том числе и форма *того* указательного местоимения *тот*. Так, в основном подкорпусе НКРЯ словоформа *того* имеет ранг 70 (*Частотное*

распределение... 2016), а её показатель IPM¹² равен 1092, т. е. на 1 млн словоупотреблений в корпусе слово *того* встречается 1092 раза.

Что касается устного подкорпуса НКРЯ, то IPM формы *того* в нём равен 1042, что близко к данным письменной речи. Однако возникает вопрос, правомерно ли говорить об общих показателях для всех сфер функционирования устных текстов. Дело в том, что разные СФ представлены в устном подкорпусе неравномерно (см. рис. 8).

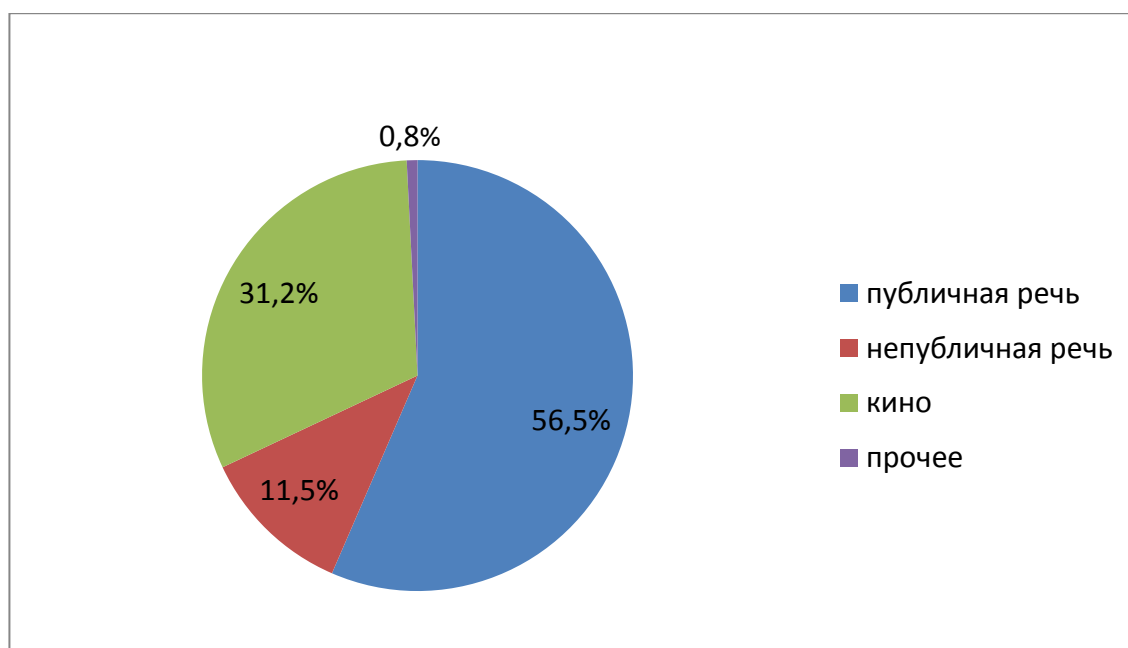

Рис. 8. Соотношение текстов различных сфер функционирования в УП НКРЯ

Доля записей непубличной речи составляет очень небольшой процент общего массива устных текстов НКРЯ, что объясняется сложностью получения такого материала (см. об этом: Гришина 2005; Воейкова 2009), тогда как объём расшифровок записей публичной речи превышает объём непубличной и киноречи вместе взятых. При такой несбалансированности данные, полученные по КУТ в целом, с большой вероятностью окажутся статистически недостоверными.

Таким образом, частотность употребления формы *того* целесообразно вычислять отдельно для каждой сферы функционирования речи. Полученные

¹² IPM (англ. *instances per million words*) – частота употреблений на миллион слов корпуса. IPM является общепринятой в мировой практике единицей измерения частотности.

данные показывают, что в непубличной речи и в речи кино *того* встречается с практически одинаковой частотой, тогда как показатели публичной речи превышают эти значения более чем в три раза (см. рис. 9).

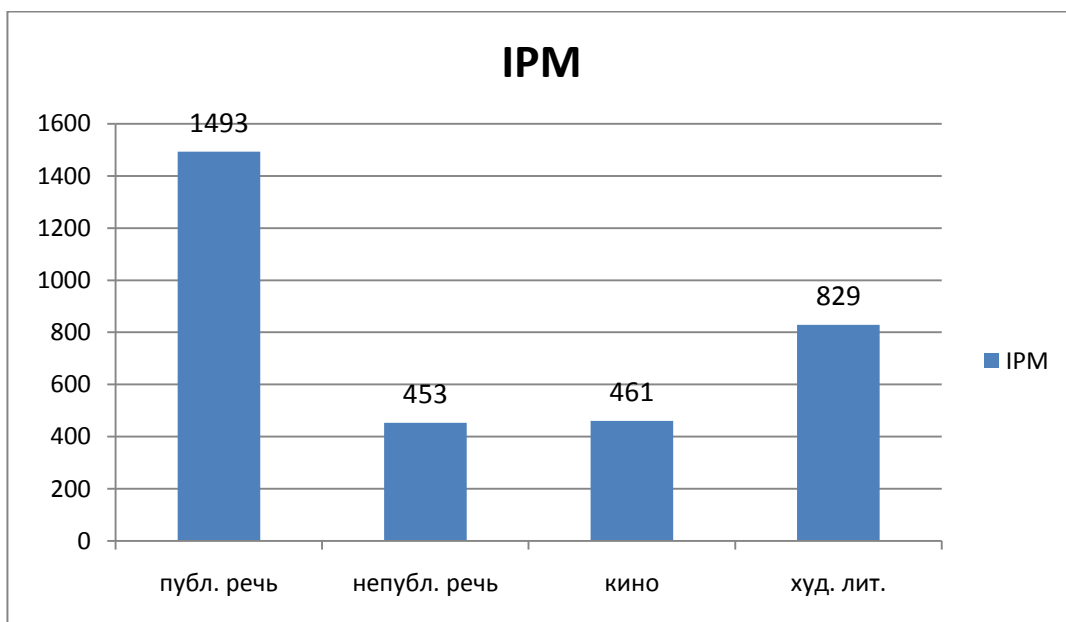

Рис. 9. Частота употребления *ТОГО* в разных сферах функционирования речи

Можно предположить, что такая разница между публичной и непубличной речью обусловлена, в первую очередь, разными принципами синтаксического построения текста. Например, для разговорной речи характерен «фрагментарный синтаксис», в частности, конструкции с «конденсированным относительным словом» (Смирницкий 1957: 95; см. также: Иванчикова 1965; Егорова 1967, Кручинина 1968; Земская 1979). Эти конструкции напоминают сложноподчинённые предложения с корреляционной связью, но коррелятивные местоимения в них опускаются, ср: *У тебя нет чем писать?* (*у тебя нет того, чем писать?) Публичной же речи такой синтаксис не свойственен, и можно предположить, что необходимость озвучивания коррелятов приводит к увеличению частотности указательных местоимений, выступающих в этой функции, в том числе местоимения *того*. Однако данная гипотеза требует проверки.

3.4 Распределение формы ТОГО в текстах разных сфер функционирования

Исследование материала в настоящей работе позволило получить следующую картину распределения формы *того* разной частеречной принадлежности по СФ речи (см. рис. 10)¹³.

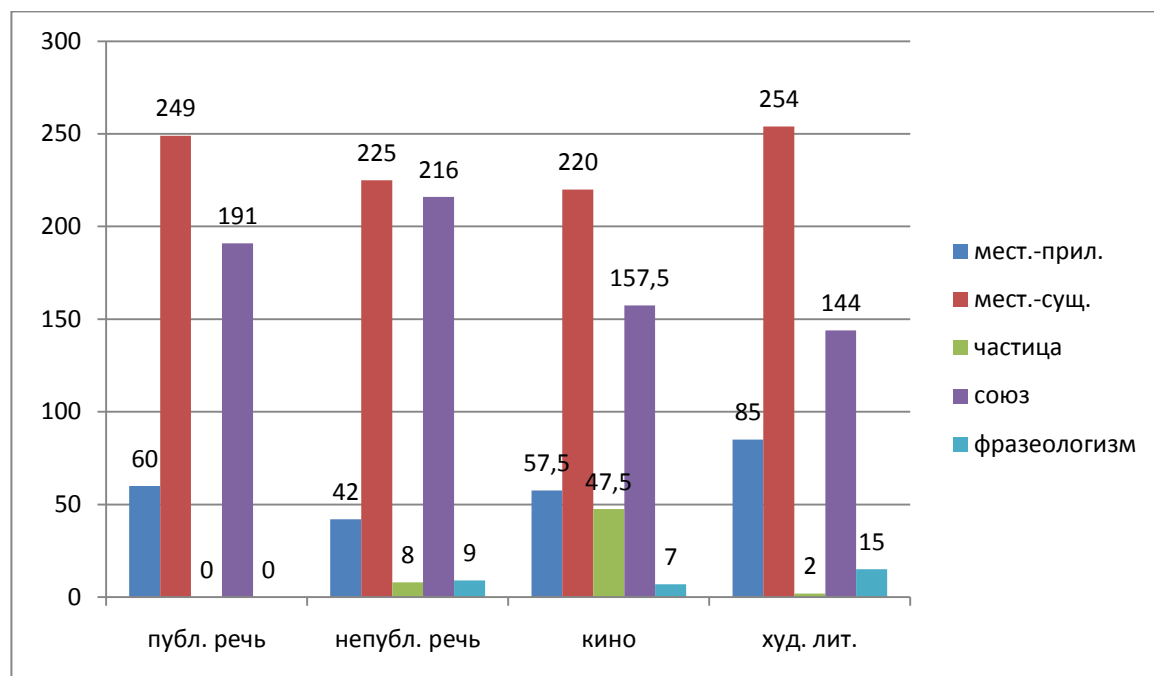

Рис. 10. Лексико-грамматическая вариативность единиц с ТОГО в разных сферах функционирования речи

Обращает на себя внимание количество *местоимений-прилагательных* в художественной литературе, превышающее соответствующие значения по другим сферам. *Местоимения-существительные* преобладают над другими лексико-грамматическими вариантами во всех сферах функционирования речи. В киноречи наблюдается значительно превосходящее другие сферы количество *частиц*, тогда как в публичной речи они не употребляются вовсе (как и *фразеологизмы с наречным значением*). Количество *союзов* велико во всех СФ, но в живой речи (как в непубличной, так и в публичной) они употребляются чаще, чем в кинематографических и художественных текстах.

¹³ Здесь и далее реальное количество контекстов с формой *того* из киноречи умножено на коэффициент 2.5 (см. раздел 2.1 настоящего исследования).

3.4.1. Местоимение-прилагательное ТОГО в разных сферах функционирования речи

На рис. 11 показано распределение функциональных вариантов местоимения-прилагательного того в различных сферах функционирования речи.

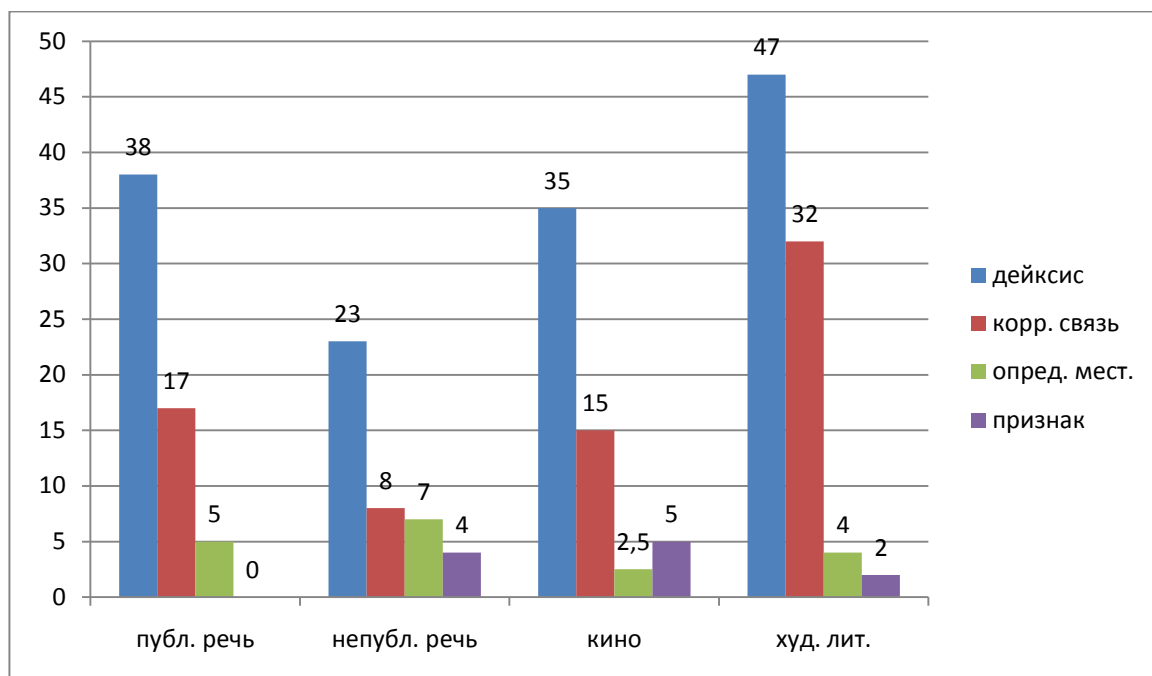

Рис. 11. Местоимение-прилагательное ТОГО в разных сферах функционирования речи

Нельзя не отметить относительно небольшое количество местоимений-прилагательных в *дейктической* функции в непубличной речи. Этот результат представляется несколько неожиданным, так как дейктические единицы относятся к маркерам устной речи и их число в устной непубличной речи превышает данные по остальным СФ текстов (см.: Гришина, Савчук 2009). В художественной литературе количество местоимений-прилагательных в *дейктической* функции, как и в функции *коррелята* в предложениях с соотносительной связью, превышает данные других СФ. Можно предположить, что это связано с нелинейным развёртыванием письменного текста, в отличие от устных текстов. *Определительные местоимения*, содержащие форму *того*, употребляются с незначительно отличающейся частотой во всех сферах функционирования, в непубличной речи – несколько чаще, чем в остальных СФ. Что касается *того* со значением

признака, то оно ожидаемо отсутствует в публичной речи, поскольку оба его значения (см. раздел 2.3.1.4) стилистически маркированы.

3.4.1. Местоимение-существительное *ТОГО* в разных сферах функционирования речи

На рис. 12 проиллюстрировано распределение в разных сферах функционирования речи единиц, содержащих местоимение-существительное *того*. Из устойчивых сочетаний здесь исключены прагматемы, заслуживающие отдельного рассмотрения (см. ниже).

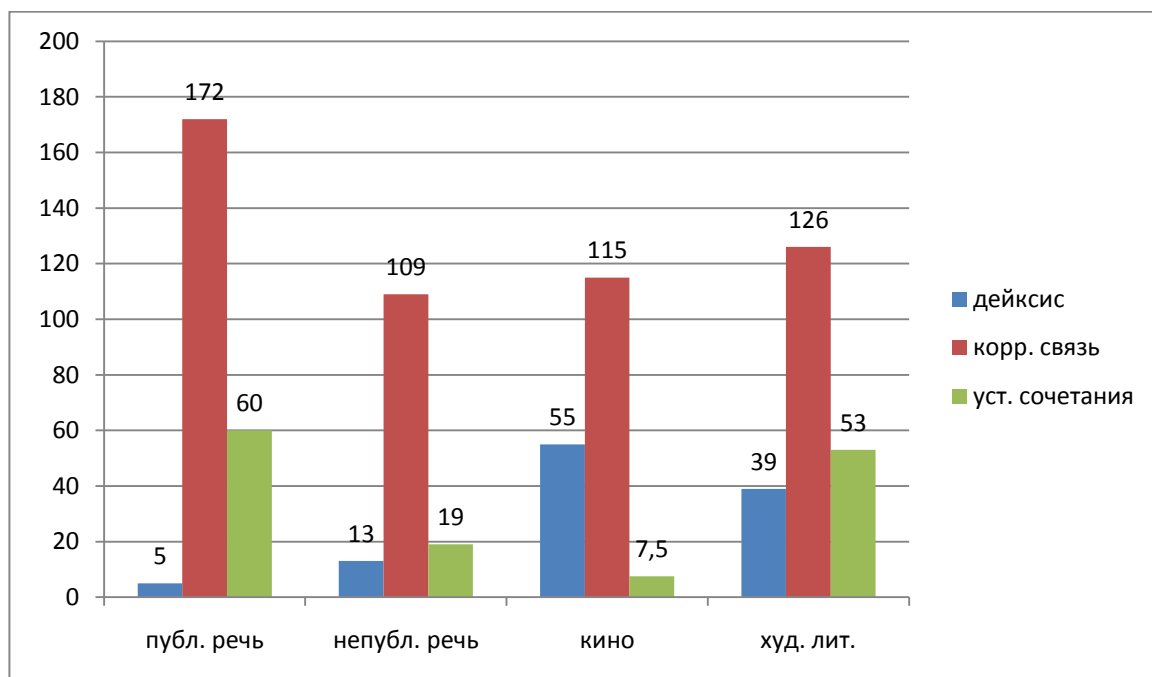

Рис. 12. Местоимение-существительное *ТОГО* в разных сферах функционирования речи

В публичной речи наблюдается небольшое количество изолированных местоимений-существительных *того* с дейктической функцией, однако количество устойчивых сочетаний, сохраняющих элемент значения указательности, превышает данные по другим СФ (в основном за счёт сочетаний с наречным значением, см. раздел 2.3.2.2). В художественной литературе количество местоимений *того* в дейктической функции, как изолированных, так и в составе устойчивых сочетаний, ожидаемо велико. Неожиданно низким оказывается количество дейктиков в непубличной речи, что, впрочем, соответствует данным распределения местоимения-прилагательного *того*. Обращает на себя внимание, что данные киноречи

в этом аспекте существенно расходятся с данными непубличной речи: так, в речи кино количество изолированных местоимений-существительных в дейктической функции более чем в 4 раза превышает показатели непубличной речи. Можно предположить, что такая картина образуется за счёт собственно дейксиса, указывающего на элементы внеязыковой действительности. Как было отмечено ранее, такой дейксис является показателем устной речи и, по-видимому, является одной из наиболее ярких её особенностей, «бросающихся в глаза» сценаристам, перед которыми стоит задача воссоздать на экране модель реальной жизни (см.: *Гришина, Савчук 2009*).

Что касается местоимений-существительных *того* в функции коррелята в предложениях с соотносительной связью, то их количество ожидаемо выше в публичной речи, что отчасти подтверждает гипотезу, высказанную выше в разделе 3.2.

3.4.2. Частица *ТОГО* в разных сферах функционирования речи

Употребления частицы *того* распределяются по сферам функционирования речи следующим образом (см. рис. 13).

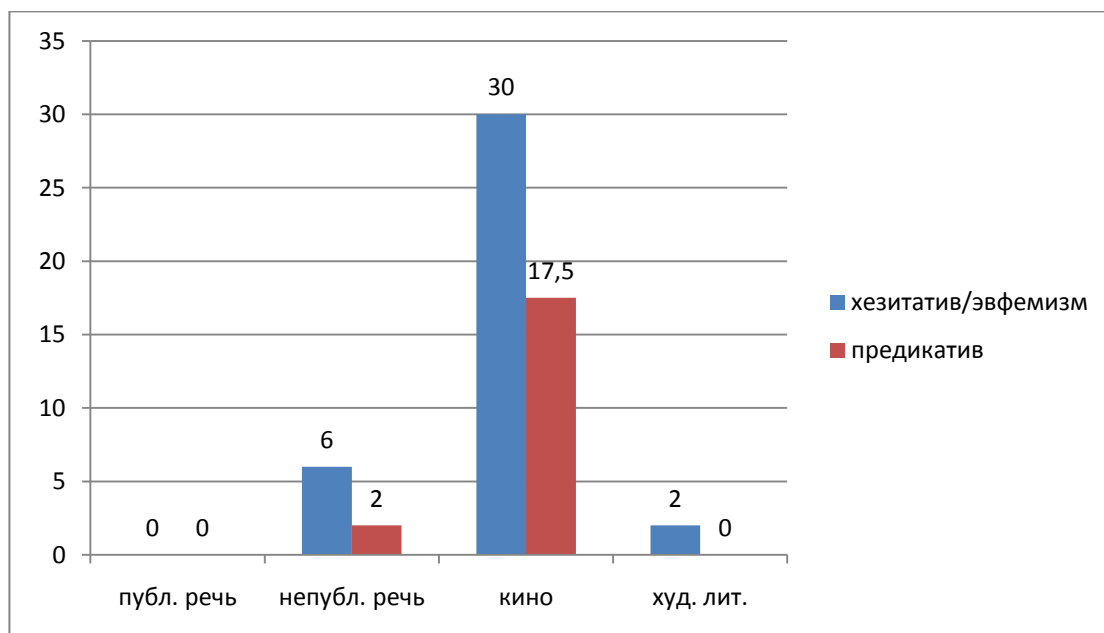

Рис. 13. Частица *ТОГО* в разных сферах функционирования речи

В публичной речи такие единицы ожидаемо отсутствуют, поскольку являются стилистически маркированными. Количество частиц *того* в речи

кино существенно превышает данные естественной речи. По-видимому, употребление такой частицы (прагматемы) относится, наряду с собственно дейксисом (см. выше), к ярким особенностям устной речи, ощущаемым сценаристами в первую очередь. Поскольку имитация акцентирует наиболее характерные особенности имитируемого, это приводит к тому, что некоторые «показатели устности» киноречи превосходят свой прототип – живую непубличную речь (Гришина, Савчук 2009).

3.4.3. Союзы с компонентом *ТОГО* в разных сферах функционирования речи

На рис. 14 показано распределение союзов, содержащих компонент *того*, в различных сферах функционирования речи.

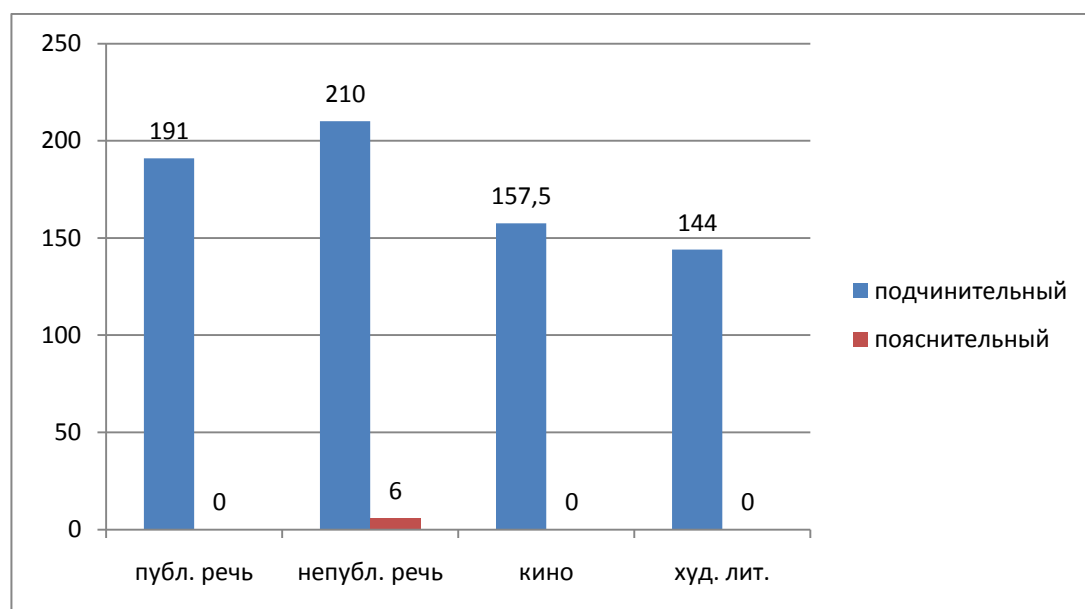

Рис. 14. Союзы с компонентом *ТОГО* в разных сферах функционирования речи

Нельзя не обратить внимание на *пояснительные союзы*, существующие только в устной непубличной речи (подробнее о них см. раздел 2.4.4 настоящего исследования). Как было отмечено ранее, количество союзов в живой речи (публичной и непубличной) превышает их количество в речи художественной (в кино и литературе). Однако едва ли на основании этих данных можно сделать какие-либо выводы, особенно учитывая тот факт, что такие составные союзы являются нестабильными и при усилении значения одного из компонентов перестают существовать как единое слово (Русская

грамматика 1980а: 717), при этом предложения с союзной подчинительной связью переходят, таким образом, в разряд предложений с соотносительной связью. Поэтому, чтобы получить данные, например, о доле сложноподчинённых предложений в различных сферах функционирования речи, целесообразно рассматривать данные о составных союзах в совокупности с данными о местоимениях-существительных в функции соотносительного слова в предложениях с корреляционной связью. Однако получение подобных данных не входит в задачи настоящего исследования.

3.4.4. Устойчивые сочетания с наречным значением, содержащие компонент *ТОГО*, в разных сферах функционирования речи

Рис. 15 иллюстрирует распределение по сферам функционирования речи фразеологизированных единиц с наречным значением, включающих в себя форму *того*.

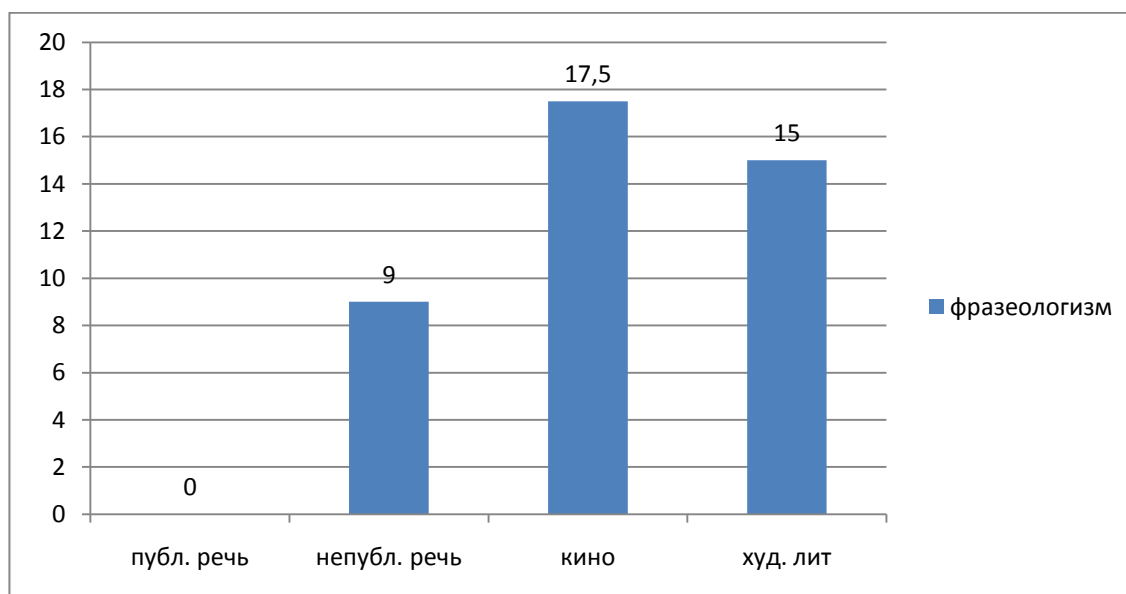

Рис. 15. Устойчивые сочетания с наречным значением, содержащие компонент *ТОГО*, в разных сферах функционирования речи

Количество фразеологизмов в речи кино и в художественной литературе превышает данные разговорной речи. Это объясняется тем, что фразеологизмы, имеющие отличную от нейтральной стилистическую окраску, нередко используются в качестве средства художественной выразительности. Кроме того, как было отмечено выше, из-за своей

стилистической маркированности подобные единицы практически не употребляются в публичной речи.

3.4.5. Прагматемы в разных сферах функционирования речи

Прагматемы считаются единицами, типичными для устного дискурса, в особенности для повседневной речи (в таком случае в ряду прагматем не рассматриваются вводные сочетания, функционирующие в различных сферах употребления как устной, так и письменной речи). Это подтверждается данными, полученными в ходе настоящего исследования (см. рис. 16).

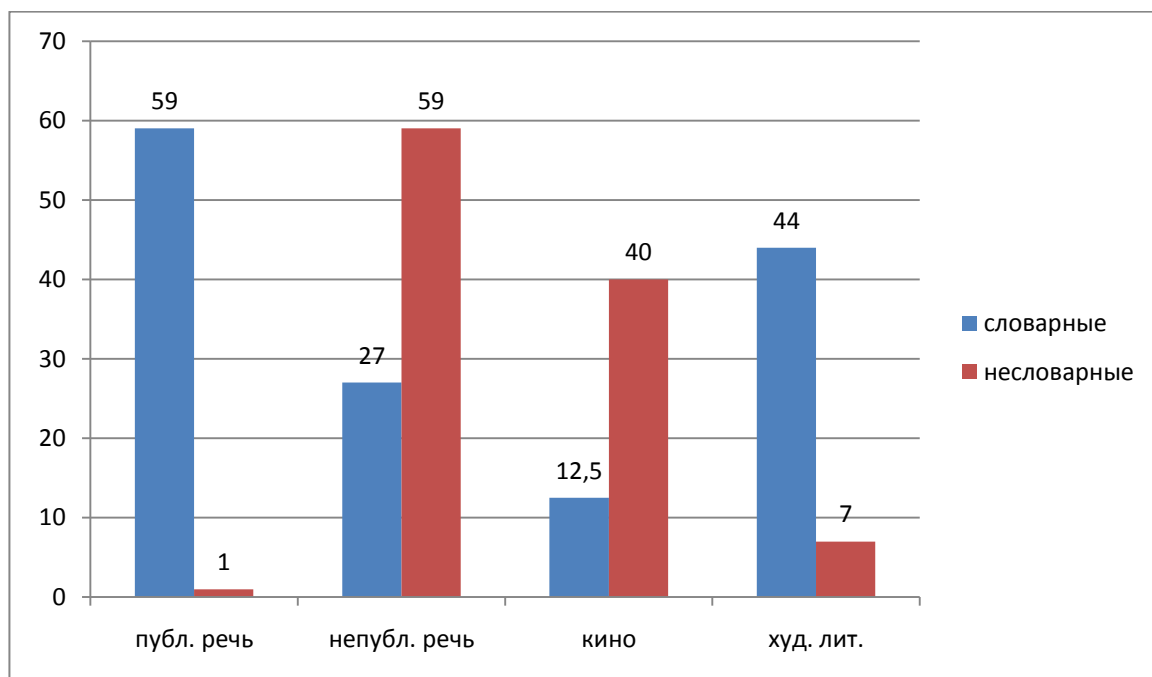

Рис. 16. Соотношение количества словарных и несловарных прагматем с формой *ТОГО* в разных сферах функционирования речи

Действительно, если отделить «словарные» прагматемы, т. е. вводные сочетания, от всех остальных, очевидным становится преобладание «несловарных» прагматем в разговорной (непубличной) речи, а также в речи кино, её имитирующей. Однако в речи кино общее количество прагматем, как словарных, так и несловарных, меньше, чем в естественной речи. Что касается публичной речи, то она в отношении употребления прагматем с формой *того* сходна с письменной речью: в большом количестве встречаются вводные сочетания, служащие для связности дискурса, остальные же прагматемы наблюдаются в единичных количествах.

Рассмотрим, в каких соотношениях наблюдаются в речи «несловарные» прагматы, включающие форму *того*: маркеры согласия, маркеры-заместители, маркеры-аппроксиматоры, ксенопоказатели и вербальные хезитативы (об этих прагматах см. разделы 2.4.3-2.4.7).

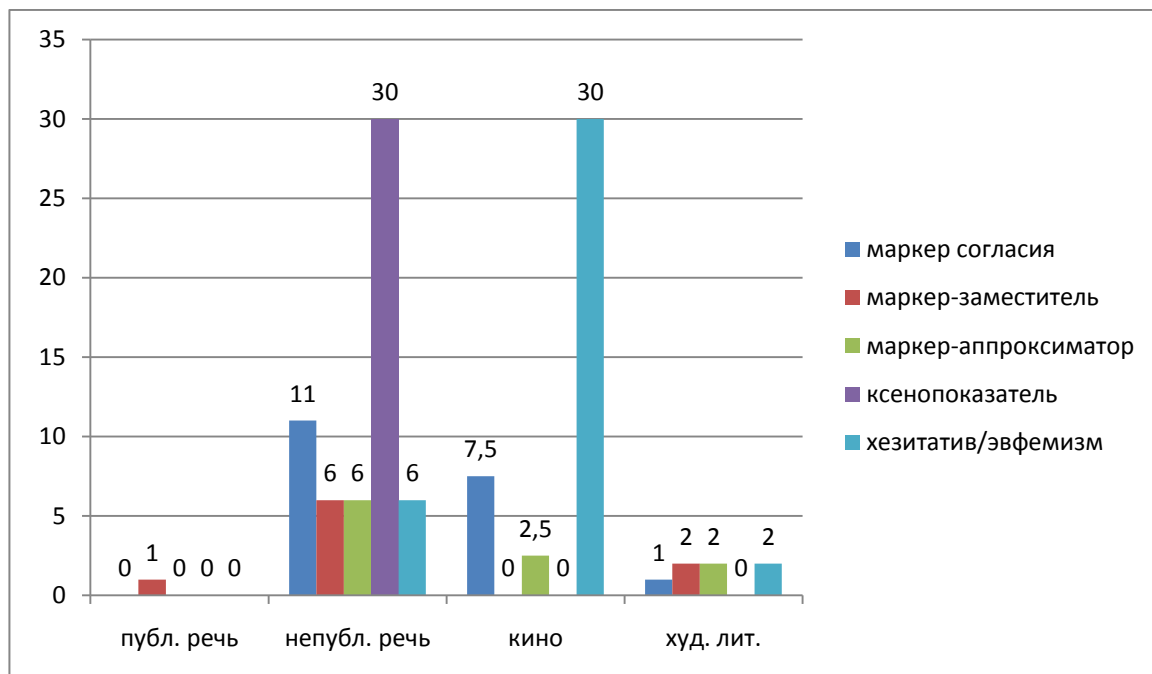

Рис. 17. Употребление различных типов прагматем, содержащих форму *ТОГО*, в разных сферах функционирования

Обращает на себя внимание количество ксенопоказателей (т. е. маркеров чужой речи) в непубличной СФ, тогда как в текстах киносценариев такие единицы отсутствуют. Из остальных прагматем близкие к естественной речи показатели имеет только маркер согласия *типа того* (*вроде того*). В то же время количество вербальных хезитативов, переходящих в эвфемизмы, значительно превышает данные разговорной речи (см. выше). Можно предположить, что несоответствие количества прагматем в речи кино и в разговорной речи связано с тем, что большинство прагматем возникли в речи сравнительно недавно и ещё не вошли в «узус» киносценаристов.

В публичной речи встретилась всего одна «несловарная» прагматема с формой *того* – маркер-заместитель *и того и другого*:

- Ищут крайнего / это правительство / хотя можно выгнать и того / и другого / всех поменять / и ничего не будет. (Беседа в Воронеже // Фонд «Общественное мнение», 2003)

Это объясняется тем, что большинство прагматем, возникнув в разговорной речи, получают соответствующую стилистическую окраску и, таким образом, в публичной речи неуместны. В художественной литературе представлены почти все виды «несловарных» прагматем, за исключением ксенопоказателя *типа того что (вроде того что)*, но в единичных количествах, как правило, в репликах персонажей литературных произведений, что опять же подтверждает типичность прагматем только для разговорной речи.

3.5. Выводы по главе

В результате анализа материала гипотезы, выдвинутые в разделе 3.2 настоящей работы, были частично подтверждены.

Функционирование единиц, содержащих компонент *того*, значительно различается в сферах функционирования естественной речи. Несмотря на то, что единицы, включающие форму *того*, значительно более частотны в публичной речи, непубличная речь обнаруживает значительно более богатый функциональный потенциал исследуемой словоформы. В непубличной речи встречаются следующие единицы, нетипичные для публичной речи: фразеологизмы с наречным значением *того и гляди* и *ни с того ни с сего*, пояснительный союз *типа того что*, частица *того* в значении предикатива, вербальный хезитатив/эвфемизм *того*, маркер-заместитель *того ... сего*, маркер-аппроксиматор *типа того (вроде того)*, маркер согласия *типа того (вроде того)*, ксенопоказатель *типа того что (вроде того что)*.

Картина распределения вариантов функционирования единиц с формой *того* в речи кино не вполне соответствует данным по живой разговорной речи. Некоторые параметры, например, количество прагматем в целом, здесь ниже, чем в естественной речи, а некоторые, такие как количество местоимений в дейктической функции или количество вербальных хезитативов/эвфемизмов, наоборот, значительно превышают данные РР. Это

говорит о не вполне достоверной имитации естественной речи авторами киносценариев.

Результаты анализа функционирования единиц с компонентом *того* в художественной литературе в целом ближе всего к данным публичной речи, в таких например, аспектах, как употребление устойчивых сочетаний с дейктическим элементом значения и употребление вводных сочетаний. С точки зрения употребления фразеологизмов с наречным значением (*того и гляди, ни с того ни с сего*) художественная литература близка к речи кино.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Корпусный подход к изучению языка, получивший в последнее время широкое распространение, позволяет решать множество лингвистических задач. В частности – выявлять и описывать особенности функционирования речевых и условно-речевых единиц, не зафиксированных ранее в словарях и грамматиках в соответствующих значениях и функциях.

В данной работе были исследованы функциональные возможности формы *того* в речи в целом и в различных сферах её функционирования в частности.

В ходе исследования было установлено, что реальный функционально-семантический потенциал словоформы *того* гораздо шире того, что зафиксировано в словарях и грамматиках. Данная форма в процессе развития языка, помимо изолированных употреблений, становится частью конструкций разной степени грамматичности и идиоматичности. Были выявлены следующие функциональные варианты формы *того*:

- 1) местоимение-прилагательное в дейктической функции;
- 2) местоимение-прилагательное в функции коррелята в предложениях с соотносительной связью;
- 3) компонент определительного местоимения (*одного и того же, того или иного* и др.);
- 4) местоимение-прилагательное со значением признака;
- 5) местоимение-существительное в дейктической функции;
- 6) местоимение-существительное в функции соотносительного слова в предложениях с корреляционной связью;
- 7) местоимение-существительное как компонент устойчивых сочетаний с различным значением;
- 8) компонент составного подчинительного союза;
- 9) компонент составного пояснительного союза;
- 10) компонент фразеологизма с наречным значением;
- 11) частица в функции предикатива;

- 12) вводное сочетание;
- 13) вербальный хезитатив/эвфемизм;
- 14) маркер согласия;
- 15) маркер-аппроксиматор;
- 16) маркер-заместитель;
- 17) ксенопоказатель.

По крайней мере 6 функциональных типов употребления словоформы *того* недостаточно освещены в справочной и научной литературе: пояснительный союз *типа того что (вроде того что)*, маркер согласия *типа того (вроде того)*, маркер-аппроксиматор *типа того (вроде того)*, маркеры-заместители *того ... сего, того ... этого, того ... другого*, ксенопоказатель *типа того что*, вербальный хезитатив *того*. Почти все эти единицы являются прагматами, что в очередной раз доказывает необходимость создания *Словаря прагматем русской устной речи*.

Кроме того, была произведена попытка сравнения разных сфер функционирования речи посредством наблюдения за употреблением одной полифункциональной формы *того*. Результаты сравнения показывают значительную разницу между СФ устной речи: так, публичная речь в аспекте употребления указательного местоимения *того* находится ближе к письменной речи, чем к устной непубличной (разговорной). Речь кино, традиционно считающаяся имитацией живой разговорной речи, на практике показывает значительные отличия от своего «прототипа».

Настоящее исследование может быть продолжено, по крайней мере, в двух направлениях.

Во-первых, целесообразным представляется изучение функционирования в речи других указательных местоимений. Думается, что они, являясь словами, семантически ненаполненными и приобретающими значение в зависимости от контекста, имеют богатый прагматический потенциал. Описание подобных единиц может внести ощутимый вклад в изучение и описание грамматики устной речи.

Во-вторых, среди перспектив настоящего исследования видится продолжение работы над сравнением различных сфер функционирования речи – с точки зрения употребления других полифункциональных единиц.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В РАБОТЕ СОКРАЩЕНИЙ

ЗКРЯ	– Звуковой корпус русского языка
КУТ	– корпус устных текстов
МАС	– «Словарь русского языка» в 4-х. т. («Малый академический словарь»)
НКРЯ	– Национальный корпус русского языка
ОРД	– «Один речевой день»
РР	– разговорная речь
САТ	– Сбалансированная аннотированная текстотека
СР	– спонтанная речь
УП	– устный подкорпус (Национального корпуса русского языка)
УР	– устная речь
СФ	– сфера функционирования
BNC	– The British National Corpus
COCA	– Corpus of Contemporary American English
ČNK	– Český národní korpus

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. – СПб.: Наука, 1994. – 157 с.
2. Арутюнова Н. Д. Прагматика. // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 389.
3. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 437-452.
4. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.
5. Блинова О. В. «Микрофонный эффект» и речевой (само)контроль в материалах звукового корпуса повседневной речи // Социолингвистический семинар факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге 11 мая 2016 г. – СПб, 2016 (устное выступление).
6. Богданова Н. В. Живые фонетические процессы русской речи. Пособие по спецкурсу. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – 186 с.
7. Богданова Н. В. Фонологическая модель слова в соотношении с лексической системой русского языка. Дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 2002. – 403 с. (машинопись).
8. Богданова Н. В., Асиновский А. С., Маркасова Е. В., Степанова С. Б., Супрунова А. В., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка «Один речевой день»: пути пополнения и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». – М.: РГГУ, 2010. – С. 16-21.
9. Богданова-Бегларян Н. В. Дискурсивная единица *типа (того что)*: функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания // Проблемы филологии, истории и культуры. Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. Научный рецензируемый журнал. Москва – Магнитогорск – Новосибирск. – 2014а, № 3. – С. 252–254.
10. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014б. Вып. 3 (27). – С. 7-20.
11. Богданова-Бегларян Н. В., Е. М. Баева, О. В. Блинова, О. Б. Ермолова, А. И. Рыко, Т. Ю. Шерстинова. Звуковой корпус русского языка как

база для социолингвистических исследований // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы конференции / <http://www.dialog-21.ru/digest/2015/?type=conference>.

12. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 276 с.
13. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2001. – 408 с.
14. *Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.
15. *Виноградов В. А.* Вводные слова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В. Н. Ярцева*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 81-82.
16. *Воейкова М. Д.* Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов) // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 353-373.
17. *Галяшина Е. И.* Проблема дифференциации спонтанной и подготовленной речи // Труды международного семинара «Диалог» – 2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям / <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7287&y=2002&vol=6077>
18. *Гришина Е. А.* Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 94-110.
19. *Гришина Е. А.* О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.). – М.: РГГУ, 2007. – С. 147–156.
20. *Гришина Е. А., Савчук С. О.* Корпус устных текстов в НКРЯ: состав и структура // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 129-149.
21. *Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979. – 257 с.
22. *Дискурсивные слова* русского языка. Опыт контекстно-семантического описания // Под ред. *К. Киселевой* и *Д. Пайара*. – М.: Метатекст, 1998. – 280 с.
23. *Егорова И. Н.* Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов) // Русский язык. Грамматические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 78–95.

24. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 532 с.
25. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. *Звуковой корпус* как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории) / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 396 с.
26. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. *Звуковой корпус* как материал для новых лексикографических проектов) / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. – 396 с.
27. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М., Русский язык, 1979. – 240 с.
28. *Иванчикова Е. А.* О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1965. – № 5. – С. 84-94.
29. *Иомдин Л. Л.* В глубинах микросинтаксиса: один лексический класс синтаксических фразем // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог»-2008. М.: РГГУ. С. 178-184.
30. *Капанадзе Л. А.* Разговорная речь и киноязык // *Л. А. Капанадзе*. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. – М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 2005. – С. 228-231.
31. *Коптев М. В., Мустайоки А.* Современная корпусная русистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы. / Под ред. А. Мустайоки, М. В. Коптева, Л. А. Бирюлина, Е. Ю. Протасовой. Slavica Helsingiensia Series. Вып. 34. Хельсинки, 2008. С. 7-24.
32. *Кручинина И. Н.* Синтаксис разговорной речи. – Русская речь. – 1968, № 1. – С. 56-64.
33. *Кручинина И. Н.* Вводные слова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В. Н. Ярцева*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 81-82.
34. *Лантева О. А.* Разговорная речь // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – С. 407-408.

35. *Левонтина. И. Б.* Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). – М.: РГГУ, 2010. – С. 284–288.
36. *Лингвистика конструкций* / Под ред. *Е. В. Рахилиной*. – М.: Азбуковник, 2010. – 584 с.
37. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 366–566.
38. *Осьмак Н. А.* Устная спонтанная речь как объект лексикографического описания (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2014. – 235 с. (машинопись).
39. *Плунгян В. А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005: результаты и перспективы – М.: Индрик, 2005. – С. 6-20.
40. *Подлесская В. И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / Гл. ред. *В. П. Селегей*. – М.: РГГУ, 2013. – С. 631–643.
41. *Рассказы о сновидениях* (корпусное исследование русского устного дискурса) / Под ред. *А. А. Кибрика* и *В. И. Подлесской*. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
42. *Резникова Т. И., Коптев М. В.* Лингвистически аннотированные корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 31-61.
43. *Русская грамматика*. Том I / Гл. ред. *Н. Ю. Шведова*. – М.: Наука, 1980а – 783 с.
44. *Русская грамматика*. Том II / Гл. ред. *Н. Ю. Шведова*. – М.: Наука, 1980б. – 714 с.
45. *Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка»* / *Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев* / Под. ред. *С. В. Вяткиной* – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 347 с.
46. *Сиротинина О. Б.* Русская разговорная речь: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 79 с.
47. *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. – 286 с.

48. *Современный русский язык: Учебник для филологических специальностей университетов* / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 800 с.
49. *Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики* / Ред. Ш. Балли и А. Сеше / Перев. с франц. А. М. Сухотина. М., Соцэкгиз, 1933. 272 с.
50. *Состав и структура* // Официальный сайт Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://ruscorpora.ru/corpora-structure.html> (Дата обращения: 10.04.2016).
51. *Фонетика спонтанной речи* / Отв. ред. Н. Д. Светозарова. – Л.: Из-во ЛГУ, 1988. – 245 с.
52. *Что такое корпус?* // Официальный сайт Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>. (Дата обращения: 10.04.2016).
53. *Частотное распределение* популярных словоформ и словосочетаний (основной корпус) // Официальный сайт Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс] <http://ruscorpora.ru/1grams.top.html>. (Дата обращения: 04.05.2016).
54. *Шерстинова Т. Ю.* Наиболее употребительные слова повседневной русской речи (в гендерном аспекте и в зависимости от условий коммуникации). // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2016» (Москва, 1–4 июня 2016). – М.: РГГУ, 2016 (в печати).
55. *Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи. Материалы XXXVIII Международной филологической конференции (16-20 марта 2009 г.) – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 66-75.
56. *Шмелёв А. Д.* Языковые факты и корпусные данные // Русский язык в научном освещении. – 2010, № 19 (1). – С. 236-265.
57. *Щерба Л. В.* О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 11-20.
58. *Щерба Л. В.* Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 253-264.
59. *Якобсон Р. О.* Речевая коммуникация // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985в. С. 306-318.
60. *Andor J.* The master and his performance: An interview with Noam Chomsky // Intercultural pragmatics. – 2004. – Т. 1. – №. 1. – Pp. 93-111.

61. *Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Stepanova S., Ryko A., Sherstinova T.* The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation // LNCS/LNAI series. «Text, Speech and Dialogue» TSD-2009. – Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg. 2009. – Pp. 250–257.
62. *Graf E.* Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. – Frankfurt am Main, 2011. – 328 p.
63. *Günther S., Mutz K.* Grammaticalization vs. Pragmaticalisation? The development of pragmatic markers in German and Italian // *W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer* (eds.) What Makes Grammaticalisation? A Look from its Fringes and its Components. – Berlin, 2004. – Pp. 77-107.
64. *Morris, C. W.* Writings on the general theory of signs, The Hague: De Gruyter Mouton, 1971 – 486 p.
65. *Rathmayr R.* Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. – München: Sagner, 1985. – 352 p.
66. *Schiffrin D.* Discourse Markers. Studies in International Sociolinguistics 5. – New York: Cambridge University Press, 1988. – 364 p.
67. *Tomasello M.* Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. — Harvard University Press, 2003. — 388 p.
68. *The Brown Corpus* [Электронный ресурс] // http://www.essex.ac.uk/linguistics/external/clmt/w3c/corpus_ling/content/corpora/list/private/brown/brown.html (1998).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. *БТС* – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. *С. А. Кузнецова*. – СПб.: Норинт, 1998 – 1536 с.
2. *МАС* – Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 4 / Под ред. *А. П. Евгеньевой*. – М.: Русский язык, 1981. – 797 с.
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка, 2006 [Электронный ресурс] <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
4. *Тришин В. Н.* Словарь синонимов ASIS, 2013 [Электронный ресурс] http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/
5. *Толковый словарь русского языка*. В 4 т. Т. 4 / Под ред. *Д. Н. Ушакова*. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ, 1940. — 1040с.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 4-е изд, 2006. [Электронный ресурс] <http://vasmer.info/>